

USA TATARS AND AMERICAN MULTICULTURALISM¹

Lilia Ravilevna Nizamova,

Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str., Kazan, 420008, Russia,
Lilia.Nizamova@kpfu.ru.

Over 2000 Tatars live in the USA. Two Turkic-Tatar diasporas – in New York and San-Francisco – manage to preserve genuine cultural potential, probably due to centuries-old popular traditions. The article reveals peculiarities of the Tatar diaspora of New York, a racially and culturally heterogeneous, tolerant and dynamic city. The authors views economic, civil, educational, religious and informational practices of the Volga Tatars from the perspective of cultural peculiarity reproduction, participation in multiculturalism of New York and integration into American political society. Modern ethnicities, viewed as reproducers of a distinctive system of ethnocultural practices, are differentiated and contrasted with the background of industrialism, secularization, urbanized and multicultural environment of modern megalopolises.

Key words: ethnicity, multiculturalism, megalopolis, Volga Tatars, Tatarstan, diaspora, New York, immigration, assimilation.

On November, 9 – 11, 2016, the President of the Republic of Tatarstan, R.N.Minnikhanov, took a business trip to the USA and visited the cities of Renton and Everett, WA, San-Francisco and Burlingame, CA. On November 9, in Burlingame, CA, the agenda of the meeting with the representatives of the US Tatar community included the issue of ethno-cultural identity in the Turkic-Tatar diaspora of the USA.

Modernisation changed the character of ethnic relations, intensity and senses of ethnical loyalties but did not cancel them. At the moment, we witness the modern ethnicities shaping and transforming in modern multicultural environment, in diverse ethnical communities, immigrants' and minority groups, religious solidarity, languages and cultural styles. The majority of modern states are multireligious and multicultural and this fact is perceived as a problem that should be dealt with by the dominant majority and the state [1]. The history has witnessed different policies of modern states towards minorities: genocide, segregation, a policy of social exclusion and discrimination people of some skin colour, ethnicity, religion, and language. However, the most typical policy used in forming nation states in Western Europe and North America in 19th – the beginning of 20th centuries became the policy of assimilation. It was the policy most consistently reflecting the ideal of a nation

that is a political community embracing citizens of equal rights, "horizontal association" [2: 32] and brotherhood. It is not a coincidence that the "melting pot" ideology appeared in the USA in the first half of the 20th century. The ideology implied that American cities and, first and foremost, megalopolises would become a base for acculturation, assimilation and "Americanization" of newly arrived immigrants.

Until the beginning of the 1970s, the perfect type of social integration was the integration at the cost of ethnocultural rejection and complete acceptance of the dominant culture. The value of this ideology was never questioned. However, in the last thirty years of 20th century the social atmosphere in the most developed Western countries changed radically under the influence of internal necessities and external globalisation factors. The questions about integration without assimilation, multiculturalism in conditions of existing national and political borders were often raised. Multiculturalism means social equality of ethnocultural groups, legitimation of cultural pluralism and, therefore, the right to preserve ethnocultural, religious and language distinctiveness. As it seems, multiculturalism appears to be a challenge to the ideal of social integration and puts new obstacles on its way. Nevertheless, formation of general civil

¹ The article comprises the materials of several publications: Nizamova L.R. Mnozhestvennye identitschnosti tatarskogo soobshchestva g. N'yu Jorka (opyt polevogo issledovaniya zarybezhom) // Sotsiologiya. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 2006. №1. P. 165-177; Nizamova L.R. Etnichnost' v multikulturnom megapolise: etnokulturnye tatarskie praktiki v SSHA // Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Ser. Gumanitarnie nauki: Kazan': Izd-vo Kazan. gos. un-t. 2009. T.151, Kn. 5 CH. 2 s. 48-60.

identity and political loyalty proves to be compatible with cultural diversity and cannot be provided anymore at the expense of exclusion and non-recognition of “others”.

The context, sampled population and research methods. The project “Return of the Ethnical: Multicultural Values and Practices in Globalisation” aimed at familiarization with American Tatar community and study of the USA multicultural policy peculiarities was carried out in New York². New York has become one of the most convenient grounds for carrying out the planned research because one of the biggest USA diasporas of the Volga Tatars live there and in the surrounding cities and states. At the same time compared to other ethnical and racial groups of the United States of America this diaspora is extremely small in number and according to contradictory evaluations constitutes about 2000 Tatars. This number does not include Crimean Tatars or Polish Tatars, and is relatively small. In “Harvard Encyclopedia of American Ethnic Groups” there is only one entry where Islam is distinguished as a common feature of all Tatars. Though, a number of specific features of Tatars are presented: peculiarities of historical development, cultural distinctiveness, and language differences. All these implies the significance to study Crimean, Volga (Kazan) and Polish (Lithuanian) Tatars as separate ethnic groups [3; p. 988-990].

It is no wonder that the Tatar diaspora is highly outnumbered by ethnic communities of Soviet and Russian Jews, Russians, Ukrainians, Armenians. Moreover, there are no places of their compact residence; this ethnical group is extremely scattered and this cannot but complicate implementation of any fieldworks. Volga Tatars predominantly live in largest megalopolises and the suburbs of such cities as San-Francisco, Los-Angeles, Washington, New York that are viewed as “immigrant gates” to the country. Independently from their ethnical background, the place of their previous residence and immigration motives, the new immigrants find it easier to adapt in the above-mentioned places that is to join new cultural, economic and political environment and to be accepted there. The adaptation of the newly arrived

individuals and groups to the USA acquires different forms: assimilation, acculturation, integration which do not exclude also “ghettoization”.

Both on the US eastern and western coasts, associations of Volga Tatars operate on the permanent basis: The American Tatar Association, Inc. in New York and The American Turkic-Tatar Association near San-Francisco in California. New York association of Volga Tatars became the initial organisational basis of interaction with congeners and an important channel for searching and contact establishments with potential participants of the planned interviews.

The empirical data collection was held with the help of such methods as personal biographies and family stories’ examination by means of free non-formalized interviews and participant observation. The choice of these particular means of required information acquisition is based on a number of reasons:

firstly, the topic is under researched and represented by single and episodic publications, mainly in English and Tatar languages, some materials on the Internet;

secondly, the fact that the topic of US Tatar community is under researched caused not only by ideological restrictions and prohibitions of the Soviet period, but also by the lack of published or simply available (statistic, literary, historical, organisational and etc.) sources that would reveal Tatar emigration history from the historical homeland and immigration to the continent of North America. And at present because American Tatars are few and lack strong ethnical organisations (their own mass media, schools and other public institutions) the written and printed sources are few;

thirdly, until early 1990s access to the information in the English language was mostly closed and the available information was very little. The examination of New York public library funds and some university libraries in the city demonstrated that a wide variety of the literature about USSR minorities and the Soviet ethnical policy, Turkic and Crimean-Tatar history, the history of Volga Tatars (localised primarily on the territory of modern Tatarstan and Russian Federation), Tatar history, language, culture and modern period of Tatar history. As it was stated above, Tatars as US ethnic group are represented in a short entry by A. Bennigsen in “Harvard Encyclopedia of American Ethnic Groups”, but they are not mentioned in the similar topic publications of the later period [4];

² The field research within the framework of individual project “Return of the Ethnical: Multicultural Values and Practices in Globalisation” was conducted with the support of Fulbright Program in October 2002 – April 2003. New meetings with informants took place in 2007 on the occasion of the 80 anniversary of American Association of Tatars.

fourthly, the existing texts on this topic are mainly written in Tatar, they are not strictly scientific and are presented primarily through journalistic works [5] and articles in Tatar mass media (the majority of them is connected to the coverage of Tatars' participation from abroad in one of several World Congresses of Tatars that were held in Kazan). The absence of strict scientific data selection procedures, validity check and material structuring rules, lack of ability from the author (cultural figures, literary men, politicians often arriving from Kazan for a short period of time) to go deep into the existing ethnocultural practices have the negative consequences. These consequences are conclusions' inaccuracies and flaws, rush conclusions and their unilaterality, emotional approach, dependency on socio-political situation. Moreover, the majority of them simply became outdated for objective reasons. So, for example, the above-mentioned article by A.Bennigsen focuses on Tatar immigration to the USA in the end of 1950s – 1960s that for many years was presenting American Volga Tatars (this fact is valid to a large extent up to the present moment). That means that the encyclopedia of 1980-version does not reflect (and could not reflect) post-Soviet emigration of the Tatars from post-Soviet republics. Without examining the role and socio-cultural results of "new" immigration of 1990s the understanding of modern Tatar diaspora in the USA cannot be complete.

The fact that the question was under-researched, that there were no reliable sources with sufficient information, specificities and difficulties of the field work abroad left no choice but collect the material about modern New York Tatar diaspora from scratch. All these made our research pilot and exploratory.

In 6 months the author had about 70 'get-acquainted' meetings and 24 free biographical interviews with Tatars. All of them were either US citizens or green card holders, and chiefly had lived in the country not less than 6 years. The majority of the events took place in New York and adjoining territories of Long Island and the state of New Jersey, besides we interviewed respondents, living in Washington, DC, Chicago, Seattle, and Madison, WI. The interviews were recorded, and afterwards that allowed me to compare and analyse the narrated biographical stories of the respondents.

Statistical characteristics of "American Tatars" research selective totality

1. Distribution by the language –medium of the interview

Russian	Tatar	English	Russian-Tatar	English-Tatar
12	6	4	1	1

2. Gender distribution

Male	Female	Family interviews
11	11	2

3. "Immigration waves" distribution

First ("old") wave	Second ("new") wave
9	15

4. Age distribution

18-25 years	25-40 years	40-55 years	Over 55 years
1	8	8	7

5. "Previous" (before 1990) citizenship distribution

American (previously from China, Turkey, Korea)	Russian	Uzbek	Other
9	7	5	1 (Finnish) 1 (Kazakh) 1 (Kirghiz)

6. Present citizenship status

American citizenship	Green card	Double citizenship
12	4	5
Working permit	Illegal status	No citizenship
1	1	

7. The length of the US residence

Less than 10 years	11-20 years	21-30 years	31 years and more
11	3	2	8

The conceptual intention of the research. A lot of social theorists assumed that local territorial and ethnical identities would be inevitably levelled in the context of industrial society establishment and that ethnicity was a phenomenon, which did not conform to the main characteristics of modern period. However, the social evolution tendencies of the last decades of the 20th century seriously undermined these ideas. This period was marked by a noticeable growth of nationalism and transforma-

tion of ethnical, national identities in various countries of the Old and New Worlds. Increasing economic, political and cultural globalization with its powerful integrative and unifying effects became new background for these processes. However, despite the levelling influence of globalisation, distinctive ethnical cultures did not disappear, did not vanish, but, on the contrary, asserted themselves, thus providing social researchers with the foundation to speak of “ethnical Renaissance”. Clearly “returning of ethnic” indicated that the policy of “melting pot” that had been carried out in many immigrant countries of the New World till 1960s was at a deadlock. The demands for cultural pluralism preservation, minorities’ right recognition to preserve their cultures were more insistent and they assisted in legitimization of multicultural policy and ideology. For the first time multiculturalism as an alternative to assimilation and ghettoization was realised in the countries of the New World – Canada and Australia. However later it was recognised in the USA and many countries of Western Europe. All these allowed social researchers to open a long discussion on the advantages and disadvantages of multiculturalism. The discussion is far from being over till present day.

The case-study “American Tatars” allowed examining a wide range of questions (topics):

firstly, to learn about the modern Tatar diaspora in the USA; peculiarities of its ethnical, religious, national self-consciousness; immigration trajectories and channels;

secondly, to study the specificity of multicultural policy of the USA, the methods and mechanisms of its realisation;

thirdly, to reveal common and peculiar features in the process of “ethnicity returning” in the western industrial countries (based on the case of the USA) and in the post-communist countries (based on case of Russian Federation); define the perspectives of implementing a multicultural programme in present-day Russia;

fourthly, to evaluate the correlation of expressive and instrumental ethnical roles based on the case of Volga Tatars’ ethnonational identity examination.

The present work is focused on Tatar ethnocultural practices in the USA, peculiarities and correlation of ethnical, religious and national identity of Volga Tatars that residence permanently in the USA. The conducted biographical interviews indicate the absence of integrated and consolidated cultural and ethnonational identity. The latter is fragmented and pluralistic too. Ethnical, religious,

territorial, national identities “converge” and “diverge” in an ambiguous way. American Tatar identity plurality conditioned by a range of factors:

1. The “emigration-immigration effect”. All respondents were born outside the US territory and they are representatives of the first immigration to this country. Together with the acquisition of dominant American culture norms and values, the previous loyalties and cultural ideas (Turkish, Japanese, Chinese ones for Tatar expatriates from these countries and Soviet, Russian or Tashkent (Uzbek) ones for Tatars of the post-Soviet migration wave) are preserved and reproduced.

2. “Globalisational effect” contributes to the fact that devotion to old values on the new land is not a factor of group or individual’s marginalisation (or ghettoisation) anymore. Now multicultural tolerance of the society allows immigrants to remain true to their selves. It allows not only to preserve old cultural luggage (speaking native Tatar language, confessing Islam and following traditional religious rituals, celebrating ethnic holidays, for example, Sabantuy) but also to constantly enrich and renovate it by means of keeping constant contacts with “historical motherland” (very often with the help of the Internet, trips to homeland, modern media of audio- and video recording).

3. The source of American Tatars “plural identity” go back to one of the two immigration waves that differentiate by their source (migration country), motives and channels. Although the first Tatar families arrived in North America as early as the 20th century, the last two waves were really massive. The first wave took place in late 1950s – beginning of 1960s (it may be called “the old wave” and its participants – “old Tatars”). This wave trajectory was quite fanciful and complicated, it took several decades. The major part of “old Tatars” arrived from Turkey, where they had to move to after the victory of communists in China and receiving persistent suggestions to find a new place of residence, and now they have been US citizens for over 30 years. A big number of Kazan Tatars (along with Russian emigrants) fled to China during hard times after the events of the Bolshevik coup in 1917. A number of American Tatars also lived in Japan and Korea. “Old Tatars” were born outside the traditional homeland of Kazan Tatars, i.e. in Tatarstan and Russian Federation, but they preserve their ethnical identity (ability to speak the native tongue Islam as religion). At the same time under the influence of new socio-cultural environmental traditional elements of ethnical culture were inevitably complemented (or modified to a certain

extend) by the specific regional or national components (for example, Turkish inclusions and additions into Tatar language, combination of Tatar dishes with elements of Chinese cuisine, etc.)

The second mass wave of Tatar emigration ("New wave") in 1990s is a part of post-Soviet emigration after the collapse of totalitarian regimes in Soviet republics and collapse of the Soviet Union. Unlike the forced "old wave", the "new" was politically voluntary. New states that appeared after the collapse of the USSR and where ethnical Tatars traditionally lived: Russian Federation, Uzbekistan, Kyrgyzstan, Kazakhstan, Ukraine and others became the source of immigration.

4. Ethnical and national self-consciousness are expressed differently and ambiguously correlated, and this appears to be the factor of group identity and personal "I" fragmentation. So, for example, the cases of double citizenship (Russian-American, Turkish-American) are not rare where these cases are not just casual biographical fact, but pragmatic choice of respondents. The loyalty to the American national community does not exclude previous citizenship identity and reproduction of old political and cultural identities (for example, to a large extent non-existent "Soviet"). The differences of social experience and inequality of achievements that were acquired in the new country of residence (longer periods of undoubtful economical and professional results in case of "old middle class status Tatars" and a short and insignificant in socio-economical terms of "new survivors") are the source of American Tatars' ethnic and cultural identity diversity.

Taking into account the above-mentioned points it appears that a person may be and/or consider himself / herself as an ethnic Tatar with or without speaking Tatar; professing Islam or reflectively criticising it and all religions; close to Tatarstan and Russia or distancing himself / herself from these places; planning to live and work in the US or "importing" trips to the motherland (even returning when retired).

5. The other source of American Tatars' ethnonational identity plurality is historically established dispersion of their settling on the territory of the former USSR. The borderlines exist not only between "old" and "new" Tatars that speak or are not able to speak Tatar and etc., but form in connection with regional origins of their birth place and native residence place (Russians and Tatars from Central Asia or Kazan, Tashkent, Penza Tatars, etc.) Although many respondents mentioned unity of Tatars and their belonging to one nation, neverthe-

less they acknowledged the existence of regional peculiarities and differences (speech nuances and dialects, distinguishing features of customs and holidays).

It must be emphasized that American Tatars' ethnonational identity plurality revealed in the present research does not mean the lack of stable social connections between its members or the lack of social solidarity. The dichotomy "US" – "others" appears to be very flexible and changeable in the Tatar community as the Tatar ethnical identity itself is changeable in the system of cultural differences on the wider scale. So in a number of cases the representatives of "old wave" account Muslims or Tatars, in general, including Crimean and Polish Tatars as "ours", but from the "new Tatars" perspective "us" are often "soviet", "Russian" or "Russian speaking".

Tatar identity and the feeling of "Tatarness". During this research the question about ethnicity of an individual was not asked directly; the answer to it was obtained in the process of family history examination (ancestors, grandparents, parents). Only in the case if the topic of "Tatarness" was not detected in the respondent's story he/she was asked the question about his/her (or his ancestors') ethnical background. The next step was defining the significance of ethnical identity for the respondent. In total, two main points of view were revealed: 1) positive acknowledgement of its importance and 2) calmly neutral statement of Tatar identity importance. Even more contradictory were respondents' views, ideas, and feelings concerning the question "what being a Tatar means". Response range included the following attitudes³:

1. Attachment to, love of and respect towards your own ethnical tradition, willingness to preserve and transfer.

"Being Tatar means, first of all, the respect for my grandfathers, the respect for my grandmothers. The respect for the nation. The respect for the language". [I. 6]

I noticed that in the society they [Americans] are also trying to preserve what is preserved from their nation and they are trying to preserve it and say: *"No, I am Armenian"*. And it seems that we are also trying to say: *"I"*. Although we are a minority, we want to say: *"No, we are not Russians... Yes, we know the Russian language, but we are Tatars"*. *We have our culture, our something we*

³ The quotations from the interviews in Tatar and English are translated into Russian.

can be proud of, for example, music, art, and the fact that we are also very talented people..." [I. 2]

"Knowing history and culture of the Tatar nation and ability to tell other people about them". [I. 17]

2. "Primordial predetermination" of ethnicity that is expressed, for example, by the words:

"...to begin with I was born this way". [I. 1] or "Well, I assume that I was born Tatar and I am Tatar". [I. 7]

3. Ethnicity as the beginning, "resistant" to rational explanation and interpretation.

"well, I don't know. Maybe I even can't explain that. Well, it is a good nation. It is my nation". [I. 5]

"some kind of emotional contact exists that can be neither put into words nor described with the help any language". [I. 1]

4. "Expressive" explanation that is ethnicity as a way of expressing "one's self", person's identity.

"Others are trying to preserve their own; we are also trying to say: 'I'". [I. 2]

"...eventually everybody wants to say his/her 'I'. This is one of 'the self' that a person of every nation will have as" [I. 1]

5. Ethnicity as a phenomenon, that is a result of interaction with "others", with representatives of another culture and supposing actualisation of involvement / non-involvement feeling, that is in the end is a formation of ethnical borders.

"Well, you encounter people of other nationalities in the army". [I. 8]

The respondent who was born in Turkey recollected offence and insults inflicted in the place of birth, and mentioned: "Since my childhood Turkishness did not stick [to me]. It didn't apply. My father and mother were Tatars". [I. 9]

6. Ethnicity that is accepted simply as fact and does not act as a main and determinative factor in life.

"... I never think whether it is important or not actually because I am Tatar". [I. 8]

7. Ambiguity and changeability of ethnical identity. This ethnicity's quality was rarely specified by the respondents; it was often left without being reflected on; it is illustrated by their real life philosophy and world-view.

So one of the respondents – a Crimean Tatar by his origin but married to a Volga Tatar – learned Tatar and uses it on a daily basis and also considers himself Tatar.

8. The aspect of pragmatic-instrumental use of ethnicity.

For example, that is one of the means of distancing from the negative identity wrongly imposed by the accepting society.

"... and in order to, for example, change the stereotype of being Russian. Well, here in America stereotype of being Russian ...is not the best reputation... Well, maybe it is even connected to the propaganda that lasts from the Cold War..." [I. 2]

In two other interviews the episodes were mentioned where identification with one or another ethnicity (Crimean Tatars) or racial group (Asian) served as a means of getting the desired status of a refugee or rights for a political asylum. [I. 1, I. 21]

Numerous meanings and measurements of Tatar ethnicity imply various combinations specific for different interview participants (the above-mentioned quotations prove this fact). The most common ones were the following: appeal to ethnic traditions (language, culture, religion, customs) as the valuable heritage, passed on from the ancestors, which deserves careful maintenance and being reproduced by children; belief into primordiality and steady predetermination of ethnicity and its ability to convey deep personal identity, his/her social "self" in the society of ethnic and racial plurality.

The example of American Tatars provides evidence to the assumption that Russian instrumentalistic ethnicity interpretations are one-sided. The ethnicity of American Tatars was preserved not because it was institutionalised, officially documented, but because it was the expression of profound identity – "self's" core of a person and an important component of family and private life. These considerations confirm the proposition that ethnicity performs not only instrumental but also expressive function. Thus, the data prove legitimacy of multiple-element and integrative ethnicity concept that goes beyond the decisions suggested in the present dispute between the primordialism supporters of our country and those of radical constructivism.

Religious tradition, Islam in New York and Muslim identity. It is noticeable that in 1960s the association of Tatars in New-York was called "American Islamic Association", but in 1970s the name was changed and specified in connection to the visible growth of other Muslim groups' immigration that were distant in language and cultural aspect from ethnical tradition of Volga Tatars. Since then the number of Americans, who profess Islam, increased dramatically. The New York mosques are supported by Arabs, Pakistanis and Turks. The mosque that was opened in Brooklyn in

the beginning of 1970s is considered one of the earliest mosques and previously it belonged to Crimean Tatars. Polish Tatars, who have completely forgotten the Tatar language and speak Polish, but persistently profess Islam, have their "gorgeous mosque" [I. 5]. The ethnical factor is not a leading one in the religious life, that is why, for example, in Washington the mosque of World Muslims exists without any ethnical linking.

The Volga Tatars do not have a separate mosque. During the important religious events and holidays Tatar "old emigration" celebrate them in association buildings and this does not prevent those, who attend divine services, from visiting different mosques by their choice and preferences. The degree and type of religiousness become factors dividing the Tatar community, especially that part which participates in association's activity. According to the respondents that belong to "old Tatar" status group, not only "new Tatars" have different traditions, prefer the Russian language in communication instead of supporting their native tongue but they are also estranged from religion, Islam. This observation is not surprising if we take into consideration that the majority of post-Soviet emigration wave representatives were born and grew in the USSR during the dominance of atheistic ideology and marginalisation of any other religious practices including Islam beliefs and cult.

The interviews demonstrated that although the respondents' attitudes towards religion and faith differ, even in the cases of expressed reflective attitude towards religion and God, Islam and Muslim tradition is the reference religion for the respondents. The case-study revealed a range of religious feelings and attitudes to Islam: from deep belief to certain atheism. The most heterogeneous opinions and feelings belong to representatives of "new Tatars" who rediscovered their religious tradition in late 1980s – early 1990s. In general, multitype positions formed during the interviews:

1. Deep and sincere belief in kind and peaceful Islam.

"Muslim religion is a very connecting religion, very warm, very... peaceful religion. And I think Islam unites us, our souls become kinder". [I. 2]

"It is Muslim religion that preserves us. We know that the most valuable qualities are kindness, honesty, respect and this is the most... The main goal is being good". [I. 2]

2. The belief in God and commitment to Islam as a living bound with the family tradition, as a nation "face".

"My father and my mother gave me birth, a name and brought me up as a Muslim. I was born a Muslim and will die a Muslim, God willing". [I. 6]

"A believer in my own way. In my own way. Not a believer who follows five-time Muslim prayer. But I love the religion, my religion. And I am trying to teach this religion to my children". [I. 9]

3. Historically following the Muslim tradition, mostly inertial.

This point of view is close to the above-mentioned but is characterised by the religiousness to a smaller degree. *"In principle I assume that I am a believer. And parents taught us since childhood". [I. 7]*

"...maybe it's not time to pray yet or something... But I do believe in God deep inside. And I taught my children this way"

4. Recognition of Islam cultural tradition that manifests itself through periodical, selective and rather passive participation in religious practice.

"... I try to go attend a mosque, but I don't"; "I try to holidays that are celebrated in Tatar society". [I. 1]

5. General belief in God characterised by doubts, reflectivity and critical interpretation of Islam practices.

"I am considered to be Muslim but I don't like Islam. I pray to God and God helps me". [I. 5]

"Most probably I believe in God through Allah, don't I?" [I. 3]

6. Atheistic religion denial and scepticism of secular mind.

"Maybe I am an atheist. I question things. I do not believe in God. I think that religion is scary. And it's a pity that it makes people weaker, because it doesn't allow to be strong on their own but make them set hopes upon something else". [I. 8]

Despite the diversity of opinions and evaluations, the majority of interview participants talked about the religious beliefs of their ancestors (grandmothers were most often mentioned), their persistent following Muslim religion and cult's rules, the participation in children and grandchildren's spiritual upbringing. However, in the contemporary conditions it is often impossible to follow the devotional duty because of the immigrant inclusion to the secular society's system of social relations, and first and foremost because of immigrant's workload outside the ethnic groups in multicultural and pluralistic environment.

Social institution of the receiving community and the ethno-cultural practices of the USA Tatars.

New York is a multimillion megalopolis of extremely variegated racial, ethnic, language and confessional composition. Population census data, taking into consideration country origin or racial identity, preclude determining relative density or space of the Volga region (Kazan) Tatars in the USA. The Tatar ethno-cultural community is utterly inconvenient for statistical classification. From the point of view of racial differentiation, which is prevalent for the American society, the Volga region Tatars have ambivalent status: as Turkic and Moslem people representatives, they, *prima facie*, must fit into Asian Americans group, however, the Volga region Tatars consider themselves “white Americans of European origin” and, which is perceived as “the white” by other people. From the viewpoint of emigration country and territory of prior habitation, the Tatars appear to come from not just one, but many different countries, such as China, Turkey, Russia, Uzbekistan, Kazakhstan, Japan, etc. Due to its small number, the ethnical group becomes elusive for official classifications and identification. The exact statistics of the Volga region Tatars in the USA is absent. Per contradictory assessment, it amounts from 1 [6; p. 4-5] to 2-3 thousand of people. The second optimistic figure includes less number of accounting representatives of the mass “post-soviet” wave of 1990’s emigration and reflects the effects of slow influx of newcomers at the beginning of the 21st century.

“The American Tatars” case-study enabled examining practices of the Volga region Tatars in the USA on the one hand, from the point of view of reproductive performance of ethno-cultural distinction against multicultural situation of New York, and on the other hand, made it possible to analyze the mechanisms of assimilation and integration of the Tatars into the dominating American culture together with the levelling procedure of cultural originality. On evidence, derived from the case-study, assimilation factors include:

1. Paucity of the Tatar diaspora. Accordingly, there is a lack of “natural” environment for reproductive performance of community and a lack of development of original ethno-cultural heritage, brought to another country. *“Probably, to be a Tatar in New York is harder than it is in Russia, because the number of people one can talk to is small. People are scattered, they are full of their*

own affairs. [The Tatar]society – in rudimentary shape”. [I. 1]

Inevitable in small community and immigrant environment interethnic marriages, are the factors, which aggravate the small diaspora diffusion. Notwithstanding perception of national marriages as important means of national culture reproduction, the respondents, not without sorrow though, must admit inevitability of gradual dissolution of the Tatars, and treat it with tolerance and comprehension:

“It can’t be helped, because many of us marry the Americans. The number of Tatars is small. Try to count potential Tatar grooms or brides in New York, San Francisco, Montreal, and you will only find one or two of them. It is difficult to make your choice among few people. Really difficult. The Tatars are disappearing inevitably. It can’t be helped. And meanwhile there is possibility of their preserving – let it be. Because it is a pity to lose everything: your language, customs, traditions, meals, songs, verses. Everything is disappearing. I feel so sorry.” [I. 10]

“The Tatar youth is completely different. Most of them were born in America. When they are with their families, they seem Tatars, should they go outside – they are not any more. Probably it is because of lack of proper atmosphere. As for us (senior generation of immigration of 1950s and 1960s) had it. They know where they come from, know their roots. They know where their grandparents come from, know the situation with emigration and immigration in the USA. But after that generation everything will disappear. Just like in Russia. I saw it in Russia. The Tatars have at least something national (meaning Tatarstan and Kazan as the centers for everything Tatar). We probably do not have it. We are getting lost and disappearing among people.”

2. Strengthening settling dispersity of the ethnical group either within New York (meaning absence of enclave or ethnical blocks, like Brighton or China town), or all over the country. The largest Volga region Tatars’ communities are localized in the US big cities. The heterogeneous city environment, offering multifold possibilities for study, work, living, style of life, becomes, on its own right, the assimilating factor for the small ethnic diaspora. In this way, not all the Volga region Tatars, living in New York and nearby, are aware of existence of American Tatar Association (ATA), or participate in its work (even those longing to socialize with the tribesmen).

3. Involvement into institutions of receiving community and lack of the similar their own ones, like their own citizenship in historical homeland; and their own developed economic institutes, schools, mass media, such as press, book publishing, radio and television, religious organizations – in new home.

Tatar businesses. They are extremely scanty, small (have small number of engaged staff), unlike those of Turkic origin, or the enterprises and firms started up by Soviet Jews. In the scheme of things, Tatar business has no ethnic coloring. Most respondents are employed by Americans or people of other ethnicities, which implies language proficiency and mastering business education norms of the receiving society.

“As you can see, America namely engulfs people, who start up business. And the latter is put in the forefront. I think, no time is left for culture or language.” [I. 2]

Citizenship. The predominant number of respondents already possesses American citizenship or going to acquire it in future. The reasons for becoming a citizen are rather different. Quite often, one reason is followed and strengthened (or weakened) by another:

1) Loyalty to American citizenship and state:

“This is my first state. I had my citizenship nowhere. The very first state. The state, chosen by me. That is why after arriving here, we faced a lot of good.” [I. 14]

“It is easy to be an American. Firstly, you have right for everything. If you wish, you can go out and abuse the President. Face to face. They can do nothing with you. There is freedom. But freedom must be perceived properly. A lot of people misunderstand freedom.” [I. 6]

However, accepting American national identity would not except other loyalties. The cases of dual citizenship are frequent: “In my opinion, since I am an American citizen, I am undoubtedly loyal to that country, because I live in it. I am grateful to that country because it gave me a lot. But I do not forget Russia as well, because it gave me much more things that can hardly be taken away.” [I. 1]

2) Pragmatic settings or economic and political motives: it is about faith in possibility of increasing one’s well-being, finding a job, earning for “normal life” or making career; it is also about assurance of obtaining mighty government defense from poverty, unemployment, lawlessness and arbitrary rule, which were the causes for leaving the old homeland.

“It is easy to travel with an American passport. You know, there is attitude, attitude from the state’s side towards its citizens. [...] I think, the Americans treat their people well. It is about the level of state maturity.” [I. 8]

“Oh, dear! Our journey to America was such “Oh!” we are going to get into fairy-tale! [...] Everyone is sure, that America is some phenomenal fairy-tale, where everything is easily got. Everything is done so easily.” [I. 2]

“They just live in that country. They make business. Just like we do, in order to improve material state. That is all.” [I. 7]

“I can say, that you become a part of such the greatest and most powerful country in the world. [...] I feel great in America. I like being in America.” [I. 10]

3) Obtaining official status:

“I suppose, nothing has changed (after becoming a citizen). One just must be a citizen. As they say, since you live here. And if you are eligible for citizenship – let it have. Because it is difficult to forecast the future. Retirement age is at hand. I will need the benefits. That is all.” [I. 3]

“With Allah’s permission, I’ll become an American citizen. This is all only for children. Because I do not need citizenship. And it is only for my son, that I am going through the citizenship exam. They (children) are mad about America.” [I. 5]

In our conversations question concerning desire of acquiring Tatar citizenship and readiness for having more than one citizenship, on condition, that the laws (American, Russian and Tatar) would allow that, was raised. In the second half of the 1990-s, the constituent and one of the most disputable topics of the republican political discourse, being discussed very affectively by single political and intelligent representatives, was the issue of Tatar citizenship and national “frontiers”. Such statement of question was a part of politics of 1990-s, linked to consolidation of the Republic of Tatarstan state sovereignty and realization of political competencies of the entity of international law, as it was registered in RT Constitution of 1992.

The topic is significant because of the two diverse reasons. Firstly, in the globalized world, the issue is becoming urgent as it is accompanied by renaissance of old ethnic symbols and practices, together with ambiguous, multiple and inconsistent identities, including ethnic. The old, long ago implanted international principle of “one man – one citizenship” is to be changed: it has been undermined by a large-scale migration, internationalized

demands of transnational economics and global communication actions. Secondly, the subject indirectly affects if not the issue of equitable consequences of the collapse of the USSR, but a pragmatic question of sources of preferable migration to the Russian Federation. As it was highlighted by the President of the Russian Federation, under the circumstances of the deepening demographic crisis in Russia it becomes a question regarding "our compatriots abroad" and requires immediate practical actions.

Views and assessments regarding hypothetical Tatar citizenship, have been divided, and what is more, refusals to accept it prevailed. The causes and motives varied noticeably: 1) absence of alive personal or family relations with Tatarstan and lack of intention to live in the Republic; 2) considerable age, anticipating no decisive changes in life; 3) possession of the second citizenship, apart from American one's and reluctance of obtaining the third one; 4) perceiving of Tatarstan as a constituent of Russia and, consequently, the Tatar citizenship as indissolubly related to the Russian one with unconditional priority of the latter. (This stance was clearly marked by most of respondents, possessing Russian citizenship, and by those, renounce it as allegiance). "What would have changed? Would I become more Tatar? No, I think nothing would have changed. I guess, our (native Tatar) village (in Nizhniy Novgorod region) remains the same Tatarstan." [I. 7]

"Now I possess American citizenship. I also have Turkic one. I would not obtain the third one. [...] If we should talk of allegiance. You have Russian allegiance." [I. 11]

Wish for obtaining Tatar citizenship was expressed mainly by Tatar migrants from former Soviet republics, such as Uzbekistan, Kirgizstan, who kept in touch with their relatives from Tatarstan and retained strong emotional and cultural ties with the territory, providing the center of Tatar history and culture:

"We would surely obtain it. Yes, we would...We grew up in Uzbekistan...As they say, we are grateful to that Republic, too...It is homeland also. But Tatarstan is close to our soul, because the Tatars are the main population there. [...] Here (in America) nothing is going on. But in Tatarstan the cultural process is still underway, life and growth of nation will not stop. Namely, in Tatarstan." [I. 2]

Within the scope of research of ethnic identity of the representatives of the Tatar diaspora in US and identification of one's own citizenship, it is

very important to evaluate subjectively significance of Tatarstan (or Tatar Republic, in other words), reveal the comments and associations within the respondents' conceptions. There were detected four unmatched and unequal, by frequency of utterance, stances:

1. Tatarstan (the Republic of Tatarstan) is my homeland, home for my folks and the nation, I belong to.

"For me it is the dearest land. [...] Anyway, Tatarstan is mine," – stated the respondent, who was born in China and had never lived in Tatarstan. [I. 6]

"To be honest, it is our nation. From the point of view of nationality, one would not say that he is Chinese, if he was born in China. We are the Tatars. We think of ourselves as Kazan Tatars. When one says "Kazan Tatars" – one should adhere to Kazan". [I. 11]

"...My father descends from that land...Native land...When the Frenchmen or the Americans come here, and however long they happened to live here, it is their home...Of course, they do not forget their French origin. But there is nothing reprehensible in it". [I. 14]

2. Tatarstan, that became kin and close.

This stance, though rather rare, in comparison with the first and the third ones, is shared by Crimean Tatars. Still he is married to a Volga Tatar girl, has mastered the Tatar language and speaks it in every day life; besides, he is confident in his being Tatar and takes an active part in the American Tatar Association.

3. Tatarstan excites curiosity and interest, but is not kin or close land.

"Since I have never been there, I have nothing to say. Just nothing." "It is really curious to find out how people live there, what their occupations are. Just have a look, you know." [I. 12]

"I cannot say, that land is close to me. I have been there for only four days – it is not sufficient. And I cannot define it. [...] It is really interesting, but I cannot see it close to my heart, because actually, it is alien for my people. Should I have gone there more often, y would change my opinion. Nevertheless, my home is here, in America." [I. 10]

4. Disinterested and indifferent attitude.

"We are aliens for the Uzbeks. We are aliens everywhere. If we go to Tatarstan, we will be strangers there too. We are Russified. We are always with Russians," – noticed a Tatar from Tashkent (Uzbekistan). [I. 4]

The most significant is the stance of perceiving Tatarstan as one's homeland or as kin and close to

one's heart and mind country, and home for parents, ancestry and nation, with which our respondents associate themselves. Other points of view were few.

Education. School and educational system overall is a significant factor for immigrant assimilation. It includes not only the main levels of formal education, from elementary to higher, but various professional courses and career development courses, as well. Multicultural education exactly is the most advanced and developed form of multiculturalism in the USA. The Powerful political movement in the 1960-s in protection of civic rights and against racial, sexual, ethnical and national discrimination, resulted in dramatical changes in educational sphere. In 1968, United States Congress passed Bilingual Education Act; in 1974 – Law of Equal Opportunities, aimed at overcoming language barriers for students, participating in educational programs. [7]. At the beginning of 1990s, there were agitated debates in New York, related to the development of educational programs on social studies and on the so-called “Inclusive curriculum” or “The Rainbow curriculum”. Critics of “Eurocentric” education and European domination offered, special for every racial and ethnical groups, programs. The extremes and exaggerations of the stance were mitigated by moderation of the Declaration of cultural interdependency with “one nation, many peoples” motto. It ran as following: there is one nation, and it reflects cultural interdependency: meanwhile, there exist other cultures (Afro-American, of native Americans, such as Indians, Mexican Americans and others) [8]. Though the dilemma of cultural diversity and civil solidarity in modern USA is far from resolution, in 1990-s, multiculturalism was accorded wide recognition in American society as “educational program, admitting cultural heterogeneity of the United States and assisting equalization of all cultural traditions.” [9: 122].

Implementation of multicultural principles in educational system allows reproduction of distinguishing ethnocultural practices in educational bodies:

“I have a Moslem community in college. Its name is “Moslem student organization. We all socialize there, there are Moslems from Morocco, Algeria, Pakistan, India... [...] We had iftar (religious evening break of fast)...During Ramadan, we had iftar every day...” [I. 2]

In American educational institutions, children quickly and naturally master the English language,

that is frequently detrimental to the native language, “old home” language:

“Our children have fluent language here. It is due to their socialization, study process in the same surroundings. [...] it is easier for them to speak English. So is my daughter. Now she can even forget the Russian words. She speaks English way.” [I. 2]

Together with the English language mastering, values of dominating culture also being transmitted, which however, do not exclude some freedom of choice. For example, there is possibility of teaching children in Sunday Moslem, Turkic or private Anglo-Arabian schools. The parents state that the latter is the largest private school, which had received recognition at city level, and which classes are overcrowded on account of considerable amount of interested people. It is a common secondary school but with a religious bias. Supplementary program includes study of the Arabic language, mastering of Koran (sacred Moslem book) and Islam within the scope of “Islamic studies” subject. This interview took place after the events of September, 11, 2001, which aroused a strong surge of Anti-Moslem and Anti-Arab sentiment in the USA. It was a cruel blow, struck by terrorists, appealing to Islam, but it did not make grounds for closing the school. In such educational institutions, a student may be given a task on, for example, “Social Studies” subject to write an essay about national ethnical traditions, which seems natural enough, and it corresponds entirely to American multicultural educational spirit. Overall, such approach serves accommodation and inclusion of dissenting immigrant culture into the American nation.

In the USA, there are no schools where education is delivered through the *medium* of the *Tatar language*, though in universities you may minor the Tatar language as a foreign language. In the respondents' narratives, the topic of Tatar education was mainly retrospective: firstly, in connection with reminiscence of emigrant life in China or Korea at the beginning of 20th century, and secondly, in connection with Tatar Sunday schools organized by American Tatar Association (ATA) in the middle of 1960s. First wave American Tatars with a very quaint naturally multiphase path of migration (across China during revolutionary wartime from 1917 to the early 1920, then to Turkey in 1950s, and only at the following end of 1950s and early 1960s – to the USA), would recall Tatar, or Russian-Tatar community in China (Japan or Korea). According to a PhD respondent, who studied the

issue, in those years, in China there were about 25000 of Tatars, two thousand – in Japan, and much less – about 50 families – in Korea. Despite the fact, that the number of families in Seoul made only 26, the Tatar community managed to create its own infrastructure, including a school:

“They had their mosque, their school. Everything was great and wealthy. They became rich through their efforts, though they had had nothing, they had come there beggars.”

The Tatar communities in China in the early 20th century found a shelter in some places, like Harbin and Hailar.

Hailar: *“Every Tatar has a house. The Tatars are rather talented. They had their Tatar school, very beautiful and spacious. They had their mosque. Their gymnasium was built by Russians.”*

“I cannot say the number of Tatar population, but there were Tatar streets. The second street also belonged to Tatars, and the third, too. There were a lot of Tatars.” [I. 6]

The atmosphere in Harbin in those times was very mixed ethnically, and was defined by English, French, Polish, Japanese, Russian population, and there was also room for the Tatar community, too:

“We have all had the Tatar language around when I was growing up. I started with the Tatar language. I went to a Tatar school. We studied religion. We were taught the old way of writing and it was in Arabic, though I forgot it now [...] We all studied G.Tukay (the greatest Tatar poet and classic author of the Tatar literature). We had our Council, our school, everything. We were raised according to Tatar traditions. That is why we do remember Tatar customs.” [I. 11]

Though apparently, it was said about the Tatar elementary school (mekteb), intending a further transition into different ethnic educational environment of “big society”, it was a rather formalized organization with its curriculum, premises, teaching staff, where education was delivered exceptionally through the *medium* of the Tatar *language*.

Against this background, educational practices in Sunday classes of Tatar community (ATA) in 1960s looked unpretentious and optional. Those were optional classes in New York, where children learnt alphabet, Tatar verses and songs, got acquainted with cultural and traditional components. The teachers were volunteers. But due to assimilation of Tatar immigrants’ children and grandchildren into American society at present, there remained no more schools of this kind. In modern US schools formal socialization is practiced

through multicultural elective courses which children can take. Typically, children of Volga region Tatars in the USA chose Moslem, Turkic or Arabic courses.

Mass media and communications. The factors explaining the absence of Tatar mass media in the USA (except Internet) are two: the Volga Tatars diaspora is small and there is no mass Tatar speaking audience. This fact is especially striking against the background of conspicuous presence of Hispanic, China, Russian and other mass media in the USA. Russian mass media attract Russian-speaking part of the Tatar audience, mainly representatives of Soviet and, more noticeable post-Soviet emigration of 1980-1990-s. Russian mass media in the USA include newspapers, radio, book publishing, audio and video products, television, Internet. The remarkable fact is, that the Russian-speaking sector of American mass media widens not only due to the distribution of goods produced in Russia, but those produced in the USA. That mass media appears to be an important factor for reproduction and development of Russian, Soviet and, overall, Russian-speaking identity, though the latter has multiple dimensions: national, ethnic, regional, political, international etc.

The print production of Volga Tatars community, like, for example, “The ATA Newsletter”, now ranks rather informal and irregular; it is not large by volume and is printed in English. It is printed not in a publishing house, but thanks to voluntary and gratuitous efforts of the Association members. It contains information about cultural and social events of the Association, personal news, like engagements, weddings, births of children and grandchildren, degree assignment, etc. The newsletter is circulated via personal and family channels, very often via mail, and through Internet, lately. In 2003, ATA’s Internet site was created, and it became apart of extending world of Tatar Internet between 20th – 21st centuries. Global communications substantially converted the character of connection of immigrant groups with their historical homeland or country of emigration. Unlike the previous period, many things became possible even for the smallest groups: maintenance of regular contacts with old fatherland, new networks, replenishment and growth of ethnocultural traditions. The “Old Home” is often used as an ethnocultural donor and simultaneously, a guarantee for preservation and reproduction of ethnonational identity.

Religious institutions play a multivalued role in maintaining ethnocultural difference. On the one

side, allegiance to Islam is one of the principle markers for group identity, a factor for successful resistance to assimilation and reproduction of distinguishability of the Volga Tatars from “others”. On the other side, as there are no native religious organizations, adherence to Islam itself unites Tatars with other Moslem groups in the USA.

In 1927, Moslem Unity Association., Inc was established in New York, it unites Moslem Tatars, Bashkir, Kazaks, Uzbeks, Circassian, Karachai and other ethnic groups migrated to the USA. It contributed to maintenance of language and religious faith comprehension, customs and traditions in their new home. Intensive inflow of new Moslem immigrants led to establishment of The American Islamic Association in November, 1964. In 1974, in view of other Moslem groups different from the Volga Tatars ethnic traditions, the Association changed its status name: it became American Tatar Association (ATA). On April the 7th, 2007, the ATA celebrated its 80th anniversary in New York.

The Volga Tatars do not have their own temple, that is why, the most religious Tatars visit city mosques, kept by Arabs, Pakistani, Turks and Polish Tatars. The so-called “Old Emigration” of Tatars in the end of 1950-s and beginning of 1960-s celebrate the most significant religious festivals (as well as the secular ones) in ATA building in Quince, New York. They are frequently joined by representatives of senior generation of “new post-Soviet” emigration in 1990. But, at the same time, religiousness is a factor separating the Tatar community. For the “Old Tatars, the Moslem identity is inseparable from their ethnic self-comprehension. For them, to be a Tatar equals to being a Moslem, though the nature of belief had been transformed under the influence of their migration history, city lifestyle and secularization. The “New US Tatars”, being former USSR citizens, are far less religious, less consistent and less informed about faith issues. Among them, there are more atheists, hesitant bearers of critical and reflective attitude towards faith and religious organizations. At the same time, it would be a mistake to consider “New American Tatars” a homogenous group of “formal” Moslems and non-believers. The so-called Religious Renaissance affected them no less than population of the former USSR, contemporary Russia and Tatarstan. Consequently, freedom for religious self-identity became a possibility for spiritual search in America, though it was hampered by the events of September, 11, 2001, Islamophobia and terroristic threats in the country.

Conclusion. The social practices of American Tatars presented in the research certify to the involvement of both, “the old” and “the new” waves of Tatar immigrant into American society, and the existence of institutional mechanisms of free reproduction of distinctive ethnic identity. Economic, political, educational, religious and informational practices of Tatars of big megalopolis eloquently confirm a mighty integrating effect of assimilation even in the first and second generations of immigrants. Their posterity are to become stronger ingrained in American society.

In the globalizing society of the early 21st century, the question on “whether new immigrants would like to become Americans and what kind of citizens they will be”, sounds differently and receives contradictory comments. Indeed, in modern world of transnational economics, global communications and all-embracing Internet, immigrants might choose the ideology of transnationalism and the lifestyle of “above national borders”, though preserving steady connections with old homeland. At the same time, as it was shown by the authors of “Ethnographies of the New Second Generation in New York” [10], the tendencies are much more complicated. Firstly, alongside with the preservation of old, there appear new racial and ethnic diversities and distinctions. Secondly, in the megalopolis of New York, a new New York identity is being formed, it is special, different from the American, but still an inseparable one. Thirdly, assimilation does not only mean cultural “losses”, but new acquisitions, as well, like cultural productivity, creating new social connections and solidarity (for example, new forms of music, city language, self-expression and identity). They appear to be not only the results of contacting immigrants’ culture with the dominating white one, but the effects of interaction of immigrant groups of the first and second generations with traditional racial minorities in the USA [10, p. 16]. As a consequence, “new multiculturalism” is presented not by isolated ethno-racial enclaves, but by mixed, hybrid and eclectic forms of cultural interaction. The New York identity is characterized by internalization of cultural pluralism, which is not confined to reproduction of traditions of ancestors and former homeland, but produces the innovative modernist and post-modernist present in racial and ethnic heterogenous environment.

American immigration politics of the second half of 20th century, and modern multicultural orientations allowed the Tatars to save their ethnic “face” in their personal lives. Nevertheless, in pub-

lic life, it is more important to have social-economic and professional status, rather than an ethnic status. As the ethnic group is relatively small, assimilation constraints are very strong. The respondents point out, that the Tatars are too few to resist assimilation processes and confidently speak of their future. The leitmotif of a number of interviews is “The Tatars are disappearing”, “The Tatars are lost”. Despite aspirations to maintain ethnic tradition through monoethnic marriages, paucity and dispersity of the Tatars make it difficult and even impossible. The youth often marry Italians, Indians, Germans and representatives of other countries. With time their ethnicity is likely to become nominal. However, we cannot exclude another scenario, when elderly people become more interested in their ethnicity and reassess their lifestyles. However, ethnic roots often give way to American individualism, priority of personal freedom over parental authority, relativization of traditional values. At the same time, they frequently turn out to be stronger, than it is commonly thought, and become that buttress, which gives a feeling of home, native and warm, in the globalizing, standardizing and depersonalizing world.

References

1. *Eriksen T.H.* Ethnicity and Nationalism. Anthropological Perspectives. England: London; USA: Connecticut: Pluto Press, 1993. 173 p. (in English)
2. *Anderson B.* Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma. M.: KANON – Press-Ts, Kuchkovo pole, 2001. 287 s. (in Russian)
3. *Harvard Encyclopedia of American Ethnic Groups.* Cambridge, MA: Belkap Press of Harvard Univ. Press, 1980. (in English)
4. *Gale Encyclopedia of Multicultural America.* Ed. by J. Lehman. 3 vols., 2nd edition. Gale Group, 2000; *American Immigrant Cultures. Builders of a Nation.* Ed. by D. Levinson, M. Ember. 2 vols., MacMillan Reference, 1997. (in English)
5. *Karimullin A.* Amerika tatarlary tarikhynnan // Karimullin A. Yazмыш, yazмыш... Kazan', 1996. S. 197-208; teleprogramma “Tatary v Amerike”, GTRK “Tatarstan”, 28.08.1997. (in Tatar)
6. *Gaynetdinov R.* Tatary v dal'nem zarubezh'e (strany, chislennost', organizatsii) // Tatarskie kraya. 2000. Dekabr'. №50 (411). (in Russian)
7. *Yang Ph.Q.* Ethnic Studies. Issues and Approaches. New York: State Univ. of New York Press, 2000. 314 p. (in English)
8. *Glazer N.* We Are All Multiculturalists Now. Cambridge, Mass.; London, England: Harvard Univ. Press, 1997. 179 p. (in English)
9. *Masionis Dzh.* Sotsiologiya. 9-e izd. SPb.: Piter, 2004. 752 s. (in Russian)
10. *Kasinitz Ph., Mollenkopf J.H., Waters M.* (Eds.) Becoming New Yorkers. Ethnographies of the New Second Generation. New York: Russell Sage Foundation, 2006. 419 p. (in English)

ТАТАРЫ США В УСЛОВИЯХ АМЕРИКАНСКОГО МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА¹

Лилия Равильевна Низамова,
Казанский федеральный университет,
Россия, 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18,
Lilia.Nizamova@kpfu.ru.

В США проживает более 2000 татар. Татарской диаспоре удастся сохранить самобытный культурный потенциал, опираясь на многовековые народные традиции, благодаря функционированию двух тюрко-татарских ассоциаций в Нью Йорке и Сан-Франциско. В статье раскрывается жизнедеятельность татарской диаспоры в условиях г. Нью-Йорка, расово и культурно гетерогенного, толерантного и динамичного социума. Экономические, гражданские, образовательные, религиозные и информационные практики волжских татар оцениваются с точки зрения воспроизводства культурного своеобразия, соучастия в мультикультурализме г. Нью-Йорка и интеграции в политическое сообщество американской нации. Модерные этничности рассматриваются как пространство этнических различий и различений, в котором проис-

¹ Статья объединяет материалы нескольких публикаций: *Низамова Л.Р.* Множественные идентичности татарского сообщества г. Нью-Йорка (опыт полевого исследования за рубежом) // Социология. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2006. №1. С. 165-177; *Низамова Л.Р.* Этничность в мультикультурном мегаполисе: этнокультурные татарские практики в США // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та. 2009. Т.151, Кн. 5 Ч. 2. С. 48-60.

ходит воспроизводство отличительной системы этнокультурных практик в условиях индустриализма, секуляризации, урбанизированной и многокультурной среды современных мегаполисов.

Ключевые слова: этничность, мультикультурализм, мегаполис, волжские татары, Татарстан, диаспора, г. Нью-Йорк, иммиграция, ассимиляция.

9 – 11 ноября 2016 года Президент РТ Р.Н. Минниханов совершил трехдневный рабочий визит в США, в рамках которого руководитель республики посетил такие города США, как Рентон, Эверетт (штат Вашингтон), Сан-Франциско, Берлингем (штат Калифорния). 9 ноября в Берлингейме Президент Рустам Минниханов встретился с представителями татарской общины США. Во время обсуждения одной из животрепещущих проблем стала проблема сохранения этнокультурной идентичности в тюрко-татарской диаспоре США. Всего в США проживает более двух тысяч татар.

Модернизация изменила характер этнических отношений, силу и значение этнических лояльностей, но не отменила их. Модерные этничности оформляются и трансформируются в многокультурной среде – пространстве разнотипных этнических сообществ, иммигрантских и миноритарных групп, религиозных солидарностей, языков и культурных стилей. Большинство современных национальных государств являются многоконфессиональными и поликультурными, что нередко воспринимается доминирующим большинством и государством как «проблема», с которой нужно справляться [1]. История стала «свидетелем» разных стратегий современных государств в отношении меньшинств: геноцида, сегрегации, то есть политик социального исключения и дискриминации по цвету кожи, этничности, религии, языку. Однако наиболее типичной для формирующихся в Западной Европе и Северной Америке наций-государств в XIX – начале XX века стала политика ассимиляции, как наиболее последовательно отвечавшая идеалу нации – политического сообщества равноправных граждан, «горизонтального товарищества» [2: 32] и братства. Неслучайно в первой половине XX века в США утвердилась идеология «плавильного котла», предполагавшая, что американские города, прежде всего крупные мегаполисы, станут «площадками» аккультурации, ассимиляции и «американизации» вновь прибывающих иммигрантов и переселенцев.

До начала 1970-х гг. идеал социальной интеграции за счет отказа от этнокультурного своеобразия, принятия доминирующей культу-

ры не ставился под сомнение. Однако в последней трети XX века социальная атмосфера наиболее развитых стран Запада заметно изменилась как под влиянием внутренних потребностей и вызовов, так и внешних глобализационных факторов. Все чаще ставится вопрос об интеграции без ассимиляции, о мультикультурализме в условиях существующих национальных и политических границ. Мультикультурализм означает социальное равноправие этнокультурных групп, легитимацию культурного плюрализма, а значит, и права на сохранение этнокультурной, религиозной, языковой отличительности. Как кажется, мультикультурализм является вызовом идеалу социальной интеграции, воздвигает новые препятствия на ее пути. Тем не менее общегражданская идентичность и политическая лояльность оказываются совместимыми с культурным многообразием и не могут более обеспечиваться за счет исключения и непризнания «других».

Контекст, выборочная совокупность и методы исследования. Проект «Возвращение этнического: мультикультуралистские ценности и практики в условиях глобализации», сфокусированный на знакомстве с американским татарским сообществом и изучении особенностей мультикультуралистской политики США, был осуществлен в Нью-Йорке² – городе, который стал одной из наиболее удобных «площадок» для проведения задуманного исследования, так как именно в нем и близлежащих городах и штатах проживает одна из крупных диаспор волжских татар США. В то же время в сравнении с другими этническими и расовыми группами Соединенных Штатов она крайне малочисленна и по разноречивым оценкам составляет около 2 тыс. человек. Эта цифра не включает (что вполне оправдано) крымских татар и польских татар и действительно невелика.

² Полевое исследование в рамках авторского проекта «Возвращение этнического: мультикультуралистские ценности и практики в условиях глобализации» проведено при поддержке Программы Фулбрайт в октябре 2002 – апреле 2003 года. Новые встречи и беседы с информантами состоялись в 2007 г. по случаю празднования 80-летия Американской Ассоциации татар.

В «Гарвардской энциклопедии американских этнических групп» «татарам» посвящена одна объединяющая их статья, в которой приверженность исламу выделяется как общий характерный признак, вместе с тем справедливо отмечаются их специфические характеристики: особенности исторического развития, культурная отличительность, различия языков, – свидетельствующие о необходимости рассмотрения крымских, волжских (казанских) и польских (литовских) татар как отдельных этнических групп [3: 988-990].

Нисколько не удивительно, что по своей численности татарская диаспора на порядки меньше этнических сообществ советских и российских евреев, русских, украинцев, армян. Кроме того, отсутствуют места компактного их проживания; данная этническая группа очень рассеяна, что не может не осложнять проведения полевой работы. В целом наибольшее количество волжских татар проживает в крупнейших мегаполисах и пригородах таких городов, как Сан-Франциско, Лос-Анжелес, Вашингтон, Нью-Йорк, которые являются «иммигрантскими воротами» в страну. Вновь прибывающим иммигрантам, независимо от этнического происхождения, того, где они жили прежде и каковы мотивы эмиграции, в них легче адаптироваться, то есть включиться в новую культурную, экономическую и политическую среду и быть принятыми ею. Адаптация прибывавших в США индивидов и групп, вне всякого сомнения, приобретает разные формы: ассимиляции, аккультурации, интеграции и, что тоже не исключается, «геттоизации».

И на восточном, и на западном побережьях США есть работающие на постоянной основе ассоциации волжских татар: Американская Ассоциация татар (The American Tatar Association, Inc.) в г.Нью-Йорке и Американская тюрко-татарская Ассоциация (The American Turko-Tatar Association) близ г.Сан-Франциско в Калифорнии. Нью-Йоркское общество волжских татар и стало первичной организационной базой взаимодействия с соплеменниками и значимым каналом поиска и установления контактов с потенциальными участниками запланированных интервью.

Сбор эмпирических данных был проведен с помощью таких методов, как исследование личных биографий и семейных историй посредством свободных неформализованных интервью и включенного наблюдения. Выбор

именно этих способов получения искомой информации объясняется рядом причин:

во-первых, данная тема крайне мало освещена и представлена единичными и эпизодическими публикациями, прежде всего на английском и татарском языках, некоторыми материалами в Интернете;

во-вторых, сравнительно небольшая изученность татарского сообщества США обусловливается не только идеологическими ограничениями и запретами советского времени, но и отсутствием опубликованных или просто доступных (статистических, литературных, исторических, организационных и пр.) источников, которые бы позволили раскрыть историю татарской эмиграции с исторической родины и иммиграции на североамериканский континент. И сейчас в силу малочисленности американских татар и отсутствия сильных этнических организаций (своих средств массовой информации, школ, других публичных институтов) письменные и печатные организационные источники крайне скудны;

в-третьих, до начала 1990-х годов доступ к англоязычной информации был по большей части закрыт, кроме того, она была очень небольшой. Как показало обследование фондов Нью-Йоркской публичной библиотеки и некоторых университетских библиотек города, безоговорочно доминирует литература о меньшинствах в СССР и советской этнической политике, тюркской и крымско-татарской истории, истории волжских татар (локализованной прежде всего на территории современного Татарстана и РФ), книги, изданные в Татарстане о татарской истории, языке, культуре и татарстанской современности. Как уже было упомянуто выше, татары как этническая группа США представлены в небольшой статье А.Беннигсен в «Гарвардской энциклопедии американских этнических групп», но в схожих по тематике изданиях более позднего времени уже не упоминаются [4];

в-четвертых, существующие по данной тематике тексты, главным образом татароязычные, не носят собственно научного характера и представлены прежде всего публицистическими работами [5] и статьями в татарстанских СМИ (многие из них связаны с освещением участия татар из-за рубежа в одном из нескольких состоявшихся в г. Казани Всемирных конгрессов татар). Отсутствие строгих научных процедур отбора данных, проверки на достоверность и представительность материала, не-

имение у авторов (часто деятелей культуры, литераторов, политиков из Казани), на короткий срок приезжающих в США, возможности по-настоящему углубиться в содержание и смысл существующих этнокультурных практик, имеет свои отрицательные последствия. Это неточности и погрешности выводов, скоропелые заключения и их односторонность, эмоциональность в подходе, зависимость от социально-политической конъюнктуры. Кроме того, многие из них по объективным причинам просто устарели. Так, например, упомянутая выше статья А.Беннигсен фокусирует свое внимание на татарской иммиграции в США конца 1950-х – 1960-х гг., которая долгие годы (это в большой степени верно и сейчас) являла собой «лицо» американских волжских татар. Это значит, что в энциклопедии 1980-го года издания не отражена (и не могла быть отражена) постсоветская эмиграция татар из республик бывшего СССР. Без рассмотрения роли и социокультурных результатов «новой» иммиграции 1990-х гг. понимание жизнедеятельности современной татарской диаспоры США не может быть удовлетворительным.

Малая изученность вопроса, отсутствие информационно насыщенных и достоверных источников, особенности и трудности «работы в поле» за рубежом по сути не оставляли выбора. Следовало почти с нуля собирать материал о сегодняшнем дне диаспоры нью-йоркских татар. Это сделало наше исследование пилотным и поисковым по своему характеру.

За 6 месяцев состоялось около 70 встреч-знакомств и было проведено 24 свободных биографических интервью с татарами, имеющими гражданство США или постоянный вид на жительство (грин-карту) и преимущественно живущими в стране не менее 6 лет. Большая их часть состоялась в г. Нью-Йорке и прилегающих к нему территориях Лонг-Айленда и штата Нью-Джерси; кроме того, в интервью приняли участие респонденты, живущие в Вашингтоне (округ Колумбия), Чикаго, Сиэтле, Мэдисоне (штат Висконсин). Подавляющее большинство состоявшихся интервью было записано на диктофон, что впоследствии позволило тщательно и детально анализировать рассказанные респондентами биографические истории, отраженные в печатных транскрипциях.

Статистическая характеристика выборочной совокупности исследования «Американские татары»:

Распределение по языку интервью

русский	татарский	английский	рус.- татар.	англ.- татар.
12	6	4	1	1

Распределение по полу

мужской	женский	семейные интервью
11	11	2

Распределение по «волнам иммиграции»

Первая («старая») волна	Вторая («новая») волна
9	15

Распределение по возрасту

18-25 лет	25-40 лет	40-55 лет	старше 55 лет
1	8	8	7

Распределение по «прежнему» (до 1990 г.) гражданству

американское (ранее из Китая, Турции, Кореи)	российское	узбекское	другое
9	7	5	1 (финское) 1 (казахское) 1 (киргизское)

Текущий гражданский статус

Американское гражданство	Грин-карта	Двойное гражданство
12	4	5
Рабочая виза	Нелегальный статус	Без гражданства
1	1	1

Продолжительность проживания в США

до 10 лет	11 – 20 лет	21 – 30 лет	Более 31 года
11	3	2	8

Концептуальный замысел исследования.

Многие социальные теоретики полагали, что локальные территориальные и этнические идентичности будут неизбежно нивелированы в условиях становления индустриального общества, что этничность – это феномен, не согла-

сующийся с основными характеристиками эпохи модерна. Однако тенденции социальной эволюции последних десятилетий XX века серьезно подорвали эти представления. Этот период был ознаменован заметным ростом национализма и трансформацией этнических, региональных, национальных идентичностей в самых разных странах Старого и Нового Света. Новым социокультурным фоном этих процессов стала усиливающаяся экономическая, политическая и культурная глобализация с ее мощными интеграционными и унифицирующими эффектами. Однако, несмотря на нивелирующее воздействие глобализации, отличительные этнические культуры не исчезли, не растворились, но, напротив, уверенно заявили о себе, что позволило социальным исследователям заговорить об «этническом ренессансе». «Возвращение этнического» со всей очевидностью свидетельствовало о том, что политика «плавильного котла», которая проводилась во многих иммигрантских странах Нового Света до 1960-х гг., зашла в тупик. Все настойчивее ставились требования в защиту культурного плюрализма, признания прав меньшинств на сохранение своей культуры, способствовавшие легитимации политики и идеологии мультикультурализма. Впервые мультикультурализм как альтернатива ассимиляции и геттоизации был реализован в странах Нового Света – Канаде и Австралии. Однако позже он был признан не только в США, но и во многих странах Западной Европы, что позволило социальным ученым открыть продолжающуюся до сегодняшнего дня дискуссию о достоинствах и недостатках мультикультурализма.

Кейс-стади «Американские татары» позволило рассмотреть широкий круг вопросов:

во-первых, получить новое знание о татарской диаспоре США сегодняшнего дня, особенностях ее этнического, религиозного, национального самосознания, траекториях и каналах иммиграции;

во-вторых, изучить специфику мультикультуралистской политики Соединенных Штатов, способы и механизмы ее реализации;

в-третьих, выявить общее и особенное в процессе «возвращения этнического» в западных индустриальных странах (на примере США) и в посткоммунистических странах (на примере Российской Федерации), определить возможность применения мультикультуралистской программы в современной России;

в-четвертых, оценить соотношение экспрессивистской и инструменталистской ролей этничности на примере исследования этнонациональной идентичности волжских татар.

В данной работе внимание сосредоточено на татарских этнокультурных практиках в США, особенностях и соотношении этнической, религиозной и национальной идентичностей волжских татар, постоянно проживающих в США. Проведенные биографические интервью показали, что не существует единой и консолидированной культурной и этнонациональной идентичности. Она в значительной степени фрагментирована и плюралистична. Этническая, религиозная, территориальная, национальная идентичности неоднозначным образом «сходятся» и «расходятся», пересекаются и накладываются друг на друга. Множественность идентичности американских татар обусловлена целым рядом факторов:

1. Действие «эмиграционно-иммиграционного эффекта». Все опрошенные родились за пределами США и являются представителями первого поколения иммиграции в эту страну. Вместе с освоением норм и ценностей доминирующей американской культуры во многом сохраняются и достаточно устойчиво воспроизводятся прежние лояльности и культурные ориентиры (турецкие, японские, китайские для татар-выходцев из этих стран и советские, российские или ташкентские для татар постсоветской волны эмиграции).

2. «Глобализационный эффект» способствует тому, что приверженность старым ценностям на новой земле уже более не является фактором маргинализации (или геттоизации) группы или индивида. Теперь мультикультуралистская терпимость общества позволяет иммигрантам оставаться самими собой, причем не просто сохранять старый культурный багаж (говорить на родном татарском языке, исповедовать ислам и соблюдать традиционные религиозные обряды, отмечать народные праздники, например Сабантуй), но постоянно пополнять и обновлять его за счет поддержания устойчивых контактов с «исторической родиной» (часто с помощью Интернета, благодаря поездкам на родину, современным средствам аудио- и видеозаписи).

3. Источником «множественной идентичности» американских татар является принадлежность к одной из двух волн иммиграции, различающихся по своему источнику (стране эмиграции), причинам и каналам. Хотя первые татарские семьи появились на североамерикан-

ском континенте еще в начале XX века, по-настоящему массовыми стали две более поздние волны. Первая приходится на конец 1950-х – начало 1960-х гг. (назовем ее «старой волной», а ее участников – «старыми татарами»). Траектория этой волны была весьма причудлива и сложна, а по времени заняла несколько десятков лет. Большая часть «старых татар», теперь уже давно граждан США, проживающих в этой стране более 30 лет, прибыли из Турции, куда были вынуждены перебраться после победы коммунистических сил в Китае и получения настойчивого предложения найти для себя новое местожительство. Значительное число казанских татар (наряду с русской эмиграцией) оказались в Китае в годы революционного лихолетья после событий большевистского переворота 1917 года. Некоторое число американских татар проживало также в Японии и даже Корее. Особенностью «старых татар» является то, что многие из них родились за пределами территорий традиционного проживания казанских татар в Татарстане и РФ, тем не менее сохранили свою этническую идентичность (знание родного языка, приверженность своей религии). В то же время традиционные элементы этнической культуры неизбежно под влиянием новой социокультурной среды были дополнены (или несколько видоизменены) специфическими региональными или национальными компонентами (например, турецкие вкрапления и дополнения в татарский язык, сочетание татарских блюд с элементами китайской кулинарии и т.п.).

Вторая массовая волна татарской эмиграции («новая волна») приходится на 1990-е гг. и является частью постсоветской эмиграции, ставшей возможной в условиях демонтажа тоталитарного режима в советских республиках и распада СССР. В отличие от вынужденной по своему характеру «старой волны» «новая» была в политическом плане добровольной. Ее источником стали появившиеся после развала СССР новые государства, в которых традиционно проживали этнические татары: Российская Федерация, Узбекистан, Киргизстан, Казахстан, Украина и другие.

4. У представителей разных волн иммиграции по-разному выражены и неоднозначно соотносятся этническое и национальное самосознание, что также оказывается фактором фрагментации и групповой идентичности, и личного «Я» человека. Так, например, совсем не редки случаи двойного гражданства (российско-американского, турецко-американского), являющиеся не просто случайным фактом биографии, а прагматическим выбором респондента. Лояльность к американскому национальному обществу не исключает сохранения идентификации с прежним гражданством и воспроизводства старых политических и культурных идентичностей (например, во многом уже не существующей «советской»). Источником диверсификации этнокультурной идентичности американских татар стали различия социального опыта и неравенство достижений, обретенных в новой стране проживания (значительного по времени опыта с неоспоримыми экономическими и профессиональными результатами у «старых преуспевающих татар» и небольшого – как временного, так и социально-экономического – в большинстве случаев у «новых выживающих»).

Исходя из вышесказанного можно заключить, что человек, являющийся этническим татаринном и считающий себя таковым, может при этом знать или не знать татарский язык, стремиться на нем говорить или предпочитать другой язык общения, выражать приверженность мусульманской традиции или занимать позицию рефлексивной критики ислама и религии вообще, ощущать близость с Татарстаном и Россией или дистанцироваться от них, связывать свое будущее с жизнью и работой в Америке или планировать «челночные» поездки на старую родину (а то и вовсе возвращение навсегда после выхода на пенсию).

5. Еще одним источником множественности этнонациональной идентичности американских татар является исторически сложившаяся дисперсность их расселения на территории бывшего СССР. Разделительные линии существуют не только между «старыми» и «новыми» татарами, говорящими на татарском языке и не владеющими им и т.п., но складываются в связи с различиями регионального происхождения и территории проживания на старой родине (т.е. российскими и среднеазиатскими татарами или казанскими, ташкентскими, пензенскими и др.). Хотя многие респонденты отмечали единство татар и их принадлежность к одному народу, они тем не менее признавали наличие особенностей и различий регионального характера (речевых нюансов и диалектов, отличительных черт обычаев и праздников).

Следует подчеркнуть, что выявленная в данном исследовании множественность этнонациональной идентичности американских та-

тар не означает отсутствия устойчивых социальных связей между ее членами или чувства социальной солидарности. Различение «свои» – «чужие» внутри татарского сообщества оказывается весьма подвижным и изменчивым, как и сама татарская этническая идентичность в системе культурных различий более широкого плана. Так, в ряде случаев для представителей «старой волны» «своими» считаются мусульмане вообще или татары в целом, включая крымских и польских татар, а с точки зрения «новых татар», «свои» – это часто «советские», «русские» или «рускоязычные».

Татарская идентичность и чувство «татарскости». В данном исследовании вопрос об этничности индивида не ставился прямо, ответ на него выявлялся при рассмотрении истории семьи (предков, бабушек-дедушек, родителей). Только в том случае, если тема «татарского» не обнаруживалась в рассказе респондента, ему задавался вопрос о его (или предков) этническом происхождении. Следующим шагом было определение степени значимости этнической идентичности для опрашиваемого. В целом были выявлены две основные точки зрения: 1) уверенное признание ее значимости и 2) спокойно-нейтральная констатация важности татарской идентичности. Еще более разноречивыми оказались взгляды, представления, ощущения респондентов относительно того, «что значит быть татарин или татаркой». Спектр ответов включал в себя следующие позиции:³

1. Привязанность, любовь и уважение к своей этнической традиции, желание ее сохранить и передать.

«Быть татарин, это, во-первых, уважение моим дедам, уважение – бабушкам. Уважение народу. Уважение языку» [И. 6].

«Что я заметила, они [американцы] в обществе тоже стараются сохранить то, что от их нации сохранилось, и они пытаются это сохранить и говорят: „Нет, вот я – армянин“. И мы тоже, мне кажется, тоже пытаемся сказать: „Я“. Хотя мы и minority [англ. ‘меньшинство’ (здесь и далее – Л.Н.)], мы хотим сказать: „Нет, мы не русские... Да, мы знаем русский язык, но мы – татары“. У нас есть своя культура, свои что-то..., что мы можем быть proud of [англ. ‘гордиться’], например, музыка, искусство, что мы тоже очень талантливые люди...» [И. 2].

«Это знать историю и культуру татарского народа и уметь рассказать о них другим людям» [И. 17].

2. «Примордиалистская заданность» этничности, выражаемая, например, словами:

«...начнем с того, что я родился таким» [И. 1] или *«Ну, я считаю, что я родилась татаркой и есть татарка»* [И. 7].

3. Этничность как начало, «сопротивляющееся» рациональному объяснению и толкованию.

«Ну, я не знаю. Я, наверное, даже не смогу объяснить это. Ну, это хороший народ. Это мой народ» [И. 5].

«...существует какой-то душевный контакт, который нельзя передать ни словами, ни описать ни на каком языке» [И. 1].

4. «Экспрессивистское» объяснение, то есть этничность как способ выражения своего «Я», идентичности человека.

«Другие стараются сохранить свое, мы тоже пытаемся сказать: „Я“». [И. 2]

«... в конечном счете, каждый хочет сказать свое „Я“. Это одно из „Я“, которые человек будет иметь, как и другая национальность» [И. 1].

5. Этничность как феномен, являющийся результатом взаимодействия с «другими», с представителями иной культуры и предполагающий актуализацию чувства включенности / исключенности, то есть, в конечном счете, формирование этнических границ.

«Ну, в армии сталкиваешься как-то с людьми другой национальности» [И. 8].

Респондент, родившийся в Турции, вспоминал обиды и оскорбления, нанесенные ему в стране рождения, и отмечал: *«С детства турецкость не приклеилась [к нему]. Не касалась. Отец, мать были татарами»* [И. 9].

6. Этничность, принимаемая просто как факт и не выступающая главным и определяющим в текущей жизни.

«... я никогда не думаю о том, важно или не важно, на самом деле, потому, что я являюсь татарин» [И. 8].

7. Неоднозначность и изменчивость этнической идентичности. Это качество этничности лишь в редких случаях оговаривалось респондентами; оставаясь часто неотрафлексированным, оно иллюстрировалось их реальной жизненной историей и мироощущением.

Так, один из респондентов, по этническому происхождению – крымский татарин, но женат на волжской татарке, освоил татарский язык и

³ Цитаты из интервью на татарском и английском языках приведены в переводе на русский язык.

говорит на нем в повседневной жизни, а также уверенно считает себя татаринном.

Аспект прагматично-инструментального использования этничности.

Например, это способ дистанцироваться от ошибочно навязываемой принимающим обществом идентичности, к тому же наделяемой негативными чертами:

«... и чтобы, например, изменить стереотип русского. Ну, тут в Америке стереотип русского... – не очень хорошая репутация... Ну, может быть, это даже связано с той пропагандой, что длится с холодной войны...» [И. 2].

В двух других интервью были упомянуты эпизоды, когда идентификация с той или иной этничностью (крымскими татарами) или расовой группой (азиатской) служила способом получения желанного статуса беженца или права на политическое убежище [И. 1, И. 21].

Нельзя не отметить, что многочисленные смыслы и измерения татарской этничности были в самых разных комбинациях упомянуты участниками интервью (приведенные выше цитаты подтверждают это). Пожалуй, наиболее частыми были следующие: апелляция к своей этнической традиции (языку, культуре, религии, обычаям) как ценному наследию, переданному предками и заслуживающему бережной заботы и воспроизведения детьми, вера в истинность и устойчивую заданность этничности и ее способность выразить глубинную идентичность человека, его социальное «Я» в обществе этнического и расового многообразия.

Пример татар Америки свидетельствует о том, что российские инструменталистские трактовки этничности являются односторонними. Этничность американских татар сохранилась не потому, что была институционализирована, закреплена в каких-либо официальных документах, а потому, что была выражением глубинной и относительно устойчивой идентичности – сердцевинной «Я» человека и важной составляющей его семейной и личной жизни. Все это подтверждает тезис о том, что, помимо инструменталистской, этничность выполняет еще и экспрессивистскую функцию. Таким образом, на наш взгляд, собранный полевой материал может служить эмпирическим подтверждением правомерности сложносоставной и интегративной концепции этничности, выходящей за рамки решений, предлагаемых в текущем споре между отечественными сторонниками примордиализма и радикального конструктивизма.

Религиозная традиция, ислам в г.Нью-Йорке и мусульманская идентичность.

Весьма примечательно, что в 1960-х гг. ассоциация татар г.Нью-Йорка называлась «Американская Исламская Ассоциация», но в 1970-х гг. наименование было изменено и уточнено в связи с заметным ростом иммиграции других мусульманских групп, далеких в языковом и культурном плане от этнической традиции волжских татар. С тех пор численность американцев, исповедующих ислам, заметно выросла. Мечети г.Нью-Йорка поддерживаются арабами, пакистанцами, турками. Одной из первых считается мечеть, открытая в Бруклине в начале 1970-х гг. и принадлежавшая ранее крымским татарам. Свою «шикарную мечеть» [И. 5] имеют польские татары, полностью забывшие татарский язык и говорящие на польском языке, но устойчиво приверженные исламу. В религиозной жизни этнический фактор не является ведущим, поэтому, например, в г.Вашингтоне существует мечеть Мусульман Мира без какой-либо этнической «привязки».

Волжские татары не имеют отдельной мечети. «Старая эмиграция» татар в дни значимых религиозных событий и праздников отмечает их в здании ассоциации, что не мешает тем из них, кто посещает богослужения, бывать в разных мечетях по собственному выбору и предпочтению. Степень и характер религиозности оказывается фактором, несколько разделяющим татарское сообщество, особенно ту ее часть, что участвует в жизнедеятельности ассоциации. По мнению респондентов, принадлежащих к статусной группе «старых татар», «новые татары» не только имеют другие привычки, в общении предпочитают русский язык, вместо того чтобы поддерживать свою родную речь, но и отстранены от религии, от мусульманства. В этом наблюдении, пожалуй, нет ничего неожиданного, если помнить о том, что большая часть представителей постсоветской волны эмиграции родились и выросли в СССР в условиях господства атеистической идеологии и маргинализации любых религиозных практик, в том числе мусульманской веры и культа.

Интервью показали, что, хотя отношение респондентов к религии и вере заметно разнится, референтной религией для интервьюируемых является ислам и мусульманская традиция, а не какая-либо другая, даже в случаях выраженного рефлексивного отношения к вере и к Богу. Кейс-стади выявило всю полноту шкалы

оценок религиозного чувства и отношения к исламу: от глубокой веры до уверенного атеизма. Пожалуй, наиболее пестрыми и разноречивыми оказались взгляды и ощущения представителей «новых татар», в каком-то смысле «открывавших» заново свою религиозную традицию в конце 1980-х – начале 1990-х гг. В целом в состоявшихся интервью обозначились с достаточной определенностью разнотипные позиции:

1. Глубокая и искренняя вера в добрый и миролюбивый ислам.

«Мусульманская религия – очень объединяющая религия, очень теплая, очень... peaceful religion [англ. 'миролюбивая религия']. И мне кажется, ислам нас объединяет, наши души становятся добрее» [И. 2].

«Именно безнең ислам дине тотта безне [тат. наша мусульманская религия сохраняет нас]. Мы знаем, что самые ценные человеческие качества – это вот... доброта, порядочность, уважение и вот это самое... Самая цель – яхшылык [тат. 'благодетельность']» [И. 2].

2. Вера в Бога и приверженность исламу как живая связь с традицией семьи, как «лицо» своего народа.

«Отец и мать меня родили, дали имя и воспитали как мусульманку. Родилась мусульманкой, мусульманкой и умру, Бог даст» [И. 6].

«По-своему верующий. По-своему. Не такой, что соблюдает пятикратный намаз. Но религию, свою религию, люблю. И детей этой религии стараюсь научить» [И. 9].

3. Следование исторически принятой мусульманской традиции, во многом инерционное.

Данная позиция близка вышеназванной, но характеризуется меньшей степенью религиозности. *«Я, в принципе, считаю, что я – верующая. И родители нас как-то [приучали] с детства» [И. 7].*

«... может еще не возраст – молиться там или что... Но в душе я всегда в Бога верю. И детей так же приучала всегда» [И. 4].

4. Признание культурной традиции ислама, выражающееся в эпизодическом, избирательном и, скорее, пассивном участии в религиозной практике.

«... в мечеть стараюсь ходить, но не хочу»; «стараюсь соблюдать религиозные праздники, которые справляются в татарском обществе» [И. 1].

5. Вера в Бога вообще, отличающаяся сомнениями, рефлексивностью и критическим осмыслением практик ислама.

«Я считаюсь мусульманкой, но мусульманская религия мне тоже не нравится. Я молюсь Богу. И мне Бог помогает» [И. 5].

«Я, наверное, верю в Бога через Аллаха, что ли?» [И. 3]

6. Атеистическое отрицание веры и скептицизм светского сознания.

«Наверное, да, атеист. I question things. [англ. Я все подвергаю сомнению]. <...> Я не верю в Бога. <...> Я считаю, что религия – это страшно. И жалко, что это делает людей слабее, потому что не дает возможности быть сильными самим, а уповать на что-то другое» [И. 8].

При всем расхождении мнений и оценок, большинство участников интервью говорили о религиозности своих предков (чаще всего упоминался пример бабушек), упорном исполнении ими требований исламской веры и культа, участии в духовном воспитании детей и внуков. Однако в современных условиях следовать религиозным предписаниям оказывается зачастую невозможным в силу включенности иммигрантов в систему социальных отношений светского общества и прежде всего из-за их большой трудовой занятости за пределами этнических коллективов в многокультурной и плюралистичной среде.

Социальные институты принимающего общества и этнокультурные практики татар в США. Город Нью-Йорк – многомиллионный мегаполис с чрезвычайно пестрым расовым, этническим, языковым и конфессиональным составом. Данные переписей населения, рассматривающие его с точки зрения страны происхождения или расовой идентичности, не позволяют определить удельный вес или место волжских (казанских) татар в США. Татарское этнокультурное сообщество крайне неудобно для статистической классификации. С точки зрения расовой дифференциации, центральной для американского общества, волжские татары имеют амбивалентный статус: как представители тюркских и мусульманских народов, казалось бы, должны быть отнесены к американцам азиатского происхождения, тем не менее они считают себя «белыми американцами европейского происхождения» и воспринимаются в качестве «белых» окружающими. В ракурсе страны эмиграции и территории прежнего проживания оказываются выходцами не одной стра-

ны, а самых разных государств: Китая, Турции, России, Узбекистана, Казахстана, Японии и др. Малочисленность этой этнической группы тоже делает ее неуловимой для официальных классификаций и идентификации. Точная статистика волжских татар в США отсутствует. По разноречивым оценкам она составляет от 1 [6: 4-5] до 2-3 тыс. человек. Вторая оптимистическая цифра включает неучтенных представителей массовой «постсоветской волны» эмиграции 1990-х гг. и отражает эффекты медленного притока вновь прибывающих в начале XXI века.

Кейс-стади «Американские татары» позволило рассмотреть практики волжских татар в США с точки зрения воспроизводства этнокультурной отличительности в условиях нью-йоркской многокультурности, с одной стороны, и механизмы ассимиляции и интеграции в доминирующую американскую культуру и нивелирования культурного своеобразия, с другой. По данным проведенного кейс-стади, к факторам ассимиляции можно отнести:

1. Малочисленность татарской диаспоры. Соответственно, отсутствует «естественная» среда воспроизводства сообщества и развития «своего» этнокультурного наследия, привезенного в другую страну.

«Наверное, тяжелее, чем в России, быть татаринком в Нью-Йорке, потому что народу мало, с кем ты можешь общаться. Народ разрозненный, народ занят своими делами. Вот. [Татарское] общество – в рудиментарном состоянии» [И. 1].

Фактором, усугубляющим «размывание» малой диаспоры, оказываются неизбежные в небольшом сообществе и в иммигрантском окружении межэтнические смешанные браки. Хотя многие респонденты осознают значение «брака со своим» как важного средства воспроизводства «своей» культуры, они также, не без сожаления, вынуждены признать неизбежность постепенного «растворения татар» и относятся к этому терпимо и с пониманием:

«С этим ничего нельзя поделать, так как очень многие женятся [выходят замуж] на американцах. Так как нет ведь так много [татар]. Если у нас посчитать [потенциальных женихов / невест] – в Нью-Йорке, Сан-Франциско, в Монреале – там ведь всего 1-2 человека в других городах. Очень ведь трудно сделать выбор среди всего нескольких человек. Очень трудно. Неизбежно исчезают [татары]. С этим ничего не поделать. А пока есть воз-

можность – пусть не исчезает. Потому что ведь так жалко, очень жалко. Исчезает все: твой язык, обычаи, еда, песни, стихи. Все постепенно исчезает. Так жалко» [И. 10].

«[Татарская] молодежь сейчас другая. Эта молодежь – большинство – родилась в Америке. Когда они в семье – они есть [как татары], а как выйдешь на улицу – то нет. Сейчас, наверное, атмосферы нет. А у нас [старшего поколения иммиграции кон. 1950 – нач. 1960-х гг.] это было. <...> То есть они знают, откуда они родом, они знают, откуда их корни. Они знают, откуда их деды, что было и как [с историей эмиграции и иммиграции в США]. <...> Но после них, после них – это все исчезнет. Как и у вас сейчас [в России]. Я видела в России... Но у вас там хоть свое есть [имеются в виду Татарстан и Казань как центры «татарского»]. У нас, видимо, этого нет. Мы теряемся, исчезаем среди людей» [И. 11].

2. Усиливающаяся дисперсность расселения этнической группы как внутри Нью-Йорка (отсутствие анклавов или этнических кварталов, подобных Брайтону или наподобие Чайнатаунов), так и в целом по стране. Наиболее крупные сообщества волжских татар локализуются в крупных городах США. Гетерогенная городская среда, предлагающая широчайшие возможности выбора места учебы, работы, проживания, стиля жизни сама по себе становится для малочисленной этнической диаспоры ассимилирующим фактором. Так, далеко не все волжские татары, проживающие в Нью-Йорке и близ него, знают о существовании Американской ассоциации татар (АТА) или принимают участие в ее деятельности (даже если хотели бы чаще общаться с соплеменниками).

3. Включенность в систему институтов принимающего общества и отсутствие аналогичных собственных: «своего» гражданства на исторической родине; развитых «своих» – экономических институтов, школ, СМИ (прессы, книгоиздательства, радио и телевидения), религиозных организаций – на новой родине.

Татарские бизнесы. Они крайне малочисленны, не велики по масштабу (имеют небольшую численность занятого персонала), в отличие от турецких бизнесов или предприятий и фирм, созданных советскими евреями. По большому счету татарские бизнесы не имеют этнической окраски. Большинство опрошенных респондентов работает по найму в американских (или иноэтничных) организациях, что в качестве обязательного условия требует знания

английского языка и освоения норм деловой культуры принимающего общества.

«Вот, видите, Америка... именно поглощает людей, которые начинают заниматься бизнесом. И у них это все выходит на первый план. Мне уже кажется, там не до культуры, не до языка» [И. 2].

Гражданство. Преобладающая часть опрошенных уже имеют или намерены в будущем получить американское гражданство. Мотивы обретения нового гражданства весьма различны. Нередко один сопровождается и усиливается (или ослабляется) другим:

1) Лояльность американскому гражданству и государству:

«Это мое первое государство. У меня нигде не было гражданства. Самое первое государство. Выбранное мною государство. Поэтому после того, как приехали сюда, здесь было много хорошего» [И. 14].

«Быть американцем очень легко. Во-первых, на все есть право. Если хочешь, можешь выйти и ругать Президента. Лицом к лицу. Тебе ничего не могут сказать. Есть свобода. Однако свободу нужно правильно понимать. Многие ее понимают неправильно» [И. 6].

Принятие американской национальной идентичности не исключает, тем не менее, и иных лояльностей. Случаи двойного гражданства – не редки:

«Я думаю, что, так как я – американский гражданин, я, конечно, лоялен этой стране, т.к. я проживаю в этой стране. Я благодарен этой стране за то, что она много что мне сделала. Но я и не забываю Россию, потому что Россия тоже дала мне очень много чего, что трудно отнять» [И. 1].

2) Прагматические установки или экономико-политические мотивы, то есть вера в возможность улучшить материальное благосостояние, найти работу, заработать на «нормальную жизнь» или сделать карьеру; уверенность в получении защиты со стороны сильного государства от нищеты, безработицы, бесправия и произвола властей, которые были причиной отъезда из старой родины.

«Потому, что с американским паспортом хорошо ездить. Вы знаете, есть отношение, отношение государства к своим гражданам. <...> Американцы, они к гражданам относятся нормально, я думаю. Это уровень зрелости государства» [И. 8].

«Ой! Мы так в Америку ехали... С таким! Ой! Мы попадем в сказку сейчас! <...> У всех такое понятие, что Америка – это какая-то необыкновенная сказка, в которой все так легко дается. Все так легко получается» [И. 2].

«Они просто живут в этой стране. Делают бизнес. Так же, как и мы, чтобы немножко улучшить... свое материальное состояние поднать. Только и всего» [И. 7].

«Могу сказать, что становишься частью такого... самого большого и сильного государства в мире. <...> Мне ведь в Америке хорошо. Мне хорошо быть в Америке» [И. 10].

3) Обретение формально-номинального статуса:

«По-моему, ничего не изменилось [после получения американского гражданства]. Просто нужно быть [гражданином США]... Как говорится, раз ты живешь вот здесь... И положено тебе иметь это гражданство – надо получить. Потому что, кто знает, в дальнейшем – мало ли что... Скоро на пенсию. Нужны будут бенефиты всякие. Вот и все» [И. 3].

«Если будет воля Аллаха, буду гражданкой Америки. Это только ради... [детей]. Потому что оно мне – не надо гражданство. И только ради сына я сдаю экзамен на гражданство. Они [дети] без ума от Америки» [И. 5].

В состоявшихся беседах был также задан вопрос о желании получить татарстанское гражданство и готовности иметь более одного гражданства в случае, если бы законы (США, российские и татарстанские) позволяли это. Во второй половине 1990-х гг. обсуждение татарстанского гражданства и «границ» татарской нации было составляющей республиканского политического дискурса и одновременно одной из наиболее спорных тем, которая время от времени эмоционально обсуждалась отдельными представителями политической элиты и национальной интеллигенции. Подобная постановка вопроса была достаточно органичной частью политики 1990-х гг. по укреплению государственного суверенитета Республики Татарстан и реализации политических полномочий «субъекта международного права», как это было зафиксировано в Конституции РТ 1992 г.

Освещение данной темы важно еще по двум очень разным причинам. Во-первых, она актуализируется в условиях усиливающейся глобализации, сопровождающейся «ренессансом» старых этнокультурных символов и практик и формированием неоднозначных, множественных и противоречивых идентичностей, в т. ч. и

национальных. Несмотря на то что в международной политике давно укоренен принцип «один человек – одно гражданство», сегодня он все чаще подрывается широкомасштабной миграцией, интернационализирующими потребностями транснациональной экономики, эффектами глобальных коммуникаций. Во-вторых, эта тема косвенно затрагивает если не материю справедливости последствий развала СССР, то прагматический вопрос об источниках предпочтительной миграции в РФ в условиях углубляющегося демографического кризиса в России, то есть о «наших соотечественниках за рубежом», обозначенный президентом РФ как важный и требующий практических действий.

Мнения и оценки в отношении гипотетического татарстанского гражданства разделились, причем доминирующей по массиву оказалась позиция отказа принять его. Причины и мотивы заметно разнились: 1) отсутствие «живых» и непосредственных личных или семейных связей с Татарстаном и намерения жить в республике; 2) солидный возраст, не предполагающий решительных перемен в жизни; 3) наличие второго гражданства, кроме американского, и неготовность принять третье; 4) восприятие Татарстана как составной части России и, соответственно, татарстанского гражданства как неразрывно связанного с российским при безоговорочном приоритете второго (эта позиция была ясно обозначена большинством респондентов, имеющих российское гражданство, а также и теми, кто осознанно отказался от него, как от «подданства»).

«Что бы изменилось? Что я стала бы более татаркой, что ли? Нет, мне кажется, ничего бы не изменилось. Мне кажется, наша [родная татарская] деревня [в Нижегородской области] – это тот же Татарстан» [И. 7].

«У меня сейчас американское гражданство. Еще и старое турецкое есть. Третье уже не приму. <...> Если говорить о подданстве... У вас – русское подданство» [И. 11].

Желание принять татарстанское гражданство выразили прежде всего татары – выходцы из республик бывшего СССР (Узбекистана, Киргизстана), поддерживающие контакты с родственниками в Татарстане и сохраняющие сильную эмоциональную и культурную связь с территорией, являющейся центром татарской истории и культуры:

«Конечно бы, взяли бы. Да, взяли бы... В Узбекистане мы выросли... Как говорится, бла-

годарны этой республике тоже... Это считается родиной тоже. А вот Татарстан – близко по духу тем, что все-таки живут татары – основное население. <...> Здесь [в Америке] – ничего. А в Татарстане все-таки идет вот культурный процесс, там не останавливается именно жизнь и развитие нации. Именно там» [И. 2].

В контексте исследования этнонациональной идентичности представителей татарской диаспоры США и идентификации «своего» гражданства немаловажной является субъективная оценка значения Татарстана (или Татарской республики), комментирование того, чем он является и с чем ассоциируется в представлениях респондентов. Было выявлено 4 несопадающих и неравных по частоте озвучивания позиции:

1. Татарстан (Татарская республика) – это моя родина, родина предков и народа, к которому я принадлежу.

«Для меня – самая дорогая, самая дорогая земля. <...> Все равно, Татарстан – он мой», – отметила респондент, родившаяся в Китае и никогда не жившая в Татарстане [И. 6].

«Если говорить, это наша нация. Если посмотреть, ты ведь не говоришь, что ты китаец, если родился в Китае. Мы – татары. Мы считаем себя казанскими татарами. А раз говоришь «казанские татары», то придержишься Казани» [И. 11].

«... Род моего отца происходит оттуда... Родная земля... Здесь, если приезжают французы или кто-то, даже если они стали американцами и сколько бы лет здесь ни прожили, их родная земля... Они не забывают, что были французами. В этом, наверное, ничего плохого нет» [И. 14].

2. Татарстан, ставший своим и близким.

Эта позиция, встречающаяся заметно реже, чем первая и третья, разделяется, например, крымским татаринком по происхождению. Однако он женат на волжской татарке, освоил татарский язык и говорит на нем в повседневной жизни; кроме того, уверенно считает себя татаринком и активно участвует в работе Американской ассоциации татар.

3. Татарстан вызывает любопытство и интерес, но все же не является родной или близкой землей.

«Поскольку я никогда не был [там], мне нечего сказать. Нечего». «Просто из любопытства хотелось бы видеть. Как живут люди?»

Что делают? Просто посмотреть, знаете ли» [И. 12].

«Не могу о нем сказать, скажем, что это близкая мне земля. Съездила всего лишь на четыре дня, но что это? За четыре дня... Это что? <...> Это очень интересно, но я не думаю, что она близка моему сердцу, потому что все равно она чужая для здешних. Может, если бы чаще бывала там, то изменила бы свое мнение. И все же мой дом здесь [в Америке]» [И. 10].

4. Незаинтересованное и безразличное отношение.

«Мы для узбеков чужие. Мы везде чужие. Мы поедem в Татарию, для них тоже будем чужие. Мы обрусевшие. Мы с русскими, все время с русскоязычными», – отметил татарин, родом из Ташкента [И. 4].

Наиболее весомой оказалась позиция восприятия Татарстана как своей родины или как близкой и сердцу, и разуму земли и родины родителей, предков и народа, с которым себя ассоциируют респонденты. Остальные точки зрения упоминались в интервью заметно реже.

Образование. Значимым фактором ассимиляции иммигрантов является школа и в целом образовательная система. Она включает в себя не только основные ступени формального образования, от начального до университетского, но и разного рода курсы профессиональной переподготовки и повышения квалификации. Именно мультикультурное образование является наиболее продвинутой и развитой формой реализации мультикультурализма в США.

Мощное политическое движение 1960-х гг. в защиту гражданских прав и против дискриминации на основе расы, пола, этничности, страны происхождения имело результатом серьезные изменения в сфере образования. В 1968 г. Конгресс США принял закон о двуязычном образовании, в 1974 г. закон о равных возможностях в сфере образования, имевшие целью преодоление языковых барьеров для равного участия студентов в образовательных программах [7]. В начале 1990-х гг. в г.Нью-Йорке разгорелись жаркие дискуссии относительно развития учебных программ по социальным наукам и по «Инклюзивному учебному плану», так называемому учебному плану «Радуга». Критики «евроцентристского» образования и европейского доминирования предложили особые программы для каждой расовой и этнической группы. Крайности и преувеличения такой позиции были смягчены умеренностью Декларации культурной взаимо-

зависимости: «одна нация, много народов». Она гласила: есть одна нация, и она отражает взаимозависимость культур; при этом существуют отдельные культуры (афроамериканская, коренных американцев – индейцев, американцев мексиканского происхождения и т.д.) [8]. Хотя дилемма культурного многообразия и гражданского единства в современных США далека от своего разрешения, в начале 1990-х гг. мультикультурализм получил широкое признание в американском обществе как «образовательная программа, признающая культурную разнородность Соединенных Штатов и содействующая уравниванию всех культурных традиций» [9: 122].

Воплощение мультикультуралистских принципов в системе образования позволяет воспроизводить отличительные этнокультурные практики в образовательных организациях:

«В колледже у меня мусульманское коммьюнити есть. Называется „Мусульманская студенческая организация“. И там мы все общаемся, там мусульмане с Марокко, Алжира, Пакистана, с Индии... <...> И мы держали ифтар... там был у нас. В течение Рамазана у нас был каждый день ифтар...» [И. 2].

В образовательных учреждениях американского общества дети быстро и «естественным» образом осваивают английский язык, что зачастую сказывается на навыках владения родным языком или языком «старой родины»:

«У детей здесь очень быстрый язык. Поэтому что они общаются, в одном кругу учатся. <...> Да, по-английски [им говорить] проще. И дочка тоже так. Сейчас она даже русские слова иногда забывает. Говорит на английский лад» [И. 2].

Вместе с освоением английского языка транслируются и ценности доминирующей культуры, что, однако, не исключает некоторой степени свободы выбора, например возможности по желанию обучать ребенка в воскресной мусульманской, турецкой или частной арабо-английской школе. По рассказу родителей ученика последней, это очень крупная частная школа, получившая признание на городском уровне, классы в которой переполнены из-за большого количества желающих обучаться в ней. Это «обыкновенная [средняя] школа, но с уклоном». В дополнительную программу входит изучение арабского языка, освоение Корана и ислама в рамках дисциплины «Изучение ислама» («Islamic Studies»). Примечательно, что данное интервью состоялось уже после событий 11 сентября 2001 г., которые вызвали силь-

ную волну антимусульманских и антиарабских настроений в США. Жестокий удар, нанесенный террористами, апеллирующими к исламу, тем не менее не стал основанием для закрытия этой школы. В таком образовательном учреждении ученику может быть дано домашнее задание, например по предмету «Социальные науки» («Social Studies»), приготовить материал о своей национальности, написать о своих этнических традициях, что выглядит вполне естественным и полностью соответствует духу американского мультикультурного образования. В целом такой подход служит аккомодации и включению отличительной иммигрантской культуры в единую американскую нацию.

В США отсутствуют школы с преподаванием на татарском языке (хотя в университетском образовании есть практика изучения татарского языка студентами как иностранного). Тема татарского образования звучала в рассказах опрашиваемых главным образом в ретроспективном ключе: во-первых, в связи с воспоминаниями об эмигрантской жизни начала XX в. в Китае или Корее и, во-вторых, о татарской воскресной школе середины 1960-х гг. при Американской ассоциации татар (АТА).

Американские татары первой массовой волны иммиграции, имевшие весьма причудливую и вместе с тем закономерно многоэтапную траекторию миграции (через Китай в период революционного лихолетья 1917 – начала 1920-х гг., затем в Турцию в 1950-е гг. и лишь в последующем в конце 1950-х – начале 1960-х гг. в США), вспоминали о татарском или русско-татарском сообществе в Китае (Японии или Корее). По оценке респондента – доктора наук, изучавшего этот вопрос, в те годы в Китае находилось около 25 тыс. татар, в Японии – 2 тыс., в Корее – наименьшее число – около 50 семей. Несмотря на то что в Сеуле было всего 26 семей, татарская община смогла создать свою инфраструктуру, в том числе и школу:

«У них была своя мечеть. Была своя школа. Все в порядке, богатые. Стали богатыми [своими] стараниями. Без ничего... нищими приехали».

Татарские общины Китая в начале XX столетия нашли пристанище в ряде городов и мест, например в Харбине и Хайларе.

Город Хайлар: *«У каждого татарина был свой дом. Татары ведь очень способная нация. Была своя татарская школа. Очень красивая, была построена так просторно. Была своя мечеть. Гимназия. Ее русские построили».* «Не мо-

гу сказать [сколько именно было татар], но целыми улицами. И вторая улица – все татары. И третья. Очень много было татар» [И. 6].

Атмосфера Харбина тех лет была весьма пестрой в этнонациональном плане, характеризовалась английским, французским, польским, японским, русским присутствием, и там так же нашлось место татарской общине:

«В нашем доме, когда я росла, всегда был татарский язык. Я начала с татарского языка. Я пошла в татарскую школу. Мы обучались религии. Мы учились по-старому, по-арабски [писать], хотя я уже и не помню сейчас. <...> Мы изучали Г.Тукая [Г.Тукай – великий татарский поэт, классик татарской литературы], все... У нас была [своя] Управа, школа, все... Воспитывались в татарских традициях. Поэтому мы и не забыли татарские обычаи» [И. 11].

Хотя речь шла, видимо, о татарской начальной школе (мектеб), предполагавшей дальнейший переход в иноэтничную образовательную среду «большого общества», она была формализованной устойчивой организацией со своей учебной «программой», специальным помещением, коллективом учителей, преподаванием исключительно на татарском языке.

На этом историческом фоне образовательные практики в воскресных классах при татарском обществе (АТА) в США 1960-х гг. выглядят более скромными и необязательными. На этих добровольных занятиях в Ассоциации в г. Нью-Йорке дети осваивали татарскую азбуку, учили татарские стихи и песни, знакомились с элементами культуры и обычаев. «Учителя» тоже были добровольцами из своего круга. Однако в силу все более интенсивного включения детей и внуков татар-иммигрантов первого поколения в американское общество и углубляющейся ассимиляции к настоящему времени эта подвижническая практика угасла и во многом забыта. Соответственно, в США доминирующим институтом формальной социализации стала американская система образования с ее мультикультурными (по выбору родителей и детей) компонентами: в случае с волжскими татарами США – мусульманскими, турецкими, арабскими.

Средства массовой информации и коммуникации. Малочисленность диаспоры волжских татар и отсутствие массовой татароязычной аудитории является одним из решающих факторов отсутствия «своих» СМИ в Соединенных Штатах (за исключением Интернета). Это обстоятельство особенно бросается в глаза

на фоне заметного присутствия испаноязычных, китайских, русскоязычных и прочих массмедиа в США. Русскоязычные СМИ привлекают русскоговорящую часть татарской аудитории, в основном представителей малочисленной советской и более заметной в количественном отношении постсоветской волны эмиграции из бывшего СССР конца 1980-х – 1990-х гг. Русскоязычные массмедиа представлены в США прессой, радио, книгоиздательской, аудио- и видеопродукцией, телевидением, Интернетом, то есть широчайшим спектром СМИ. Примечательно, что расширение русскоязычного сектора американских массмедиа происходит не только за счет распространения продукции, созданной в России, но и за счет собственного производства в США. Эти СМИ оказываются важным фактором воспроизводства и развития русской, советской и в целом русскоязычной идентичности, причем последняя имеет многочисленные несовпадающие измерения: национальное, этническое, регионально-территориальное, политическое, интернациональное и т.д.

Печатная продукция сообщества волжских татар, например «Информационный бюллетень АТА» (The ATA Newsletter), сейчас имеет, скорее, неформальный статус и нерегулярный формат, он невелик по объему и печатается на английском языке. Его создание и тиражирование осуществляется нетипографским способом и является результатом добровольных и безвозмездных усилий членов Ассоциации. Он содержит информацию о культурных и общественных мероприятиях, готовящихся в Ассоциации, новости личного и семейного характера (о состоявшихся помолвках, свадьбах, рождении детей и внуков, присвоении ученых степеней и т.д.). Распространяется по личным, семейным, клановым каналам, часто по почте, а в последние годы и посредством Интернета. В 2003 г. был создан Интернет-сайт АТА, который стал частью все более расширяющегося на рубеже XX-XXI вв. мира татарского Интернета. Глобальные коммуникации заметно преобразовали характер связи иммигрантских групп с их исторической родиной (или страной эмиграции). В отличие от предшествующего периода стало возможным поддержание регулярного общения со старым отечеством (даже для самых малых групп), появление этнических интернет-сообществ, заметное пополнение и развитие этнокультурного багажа, привезенного диаспорой в страну иммиграции, за счет устойчивых кон-

тактов с родиной предков. «Старая родина» все больше выступает в качестве этнокультурного «донора» и одновременно гаранта сохранения и воспроизводства этнонациональной идентичности.

Религиозные институты играют неоднозначную роль с точки зрения поддержания этнокультурной отличительности. С одной стороны, верность исламу является одним из главных маркеров групповой идентичности, фактором успешного сопротивления ассимиляции и воспроизводства отличия волжских татар от «других». С другой стороны, приверженность исламу в отсутствие собственных религиозных организаций сближает татар с иными группами мусульман США.

В 1927 г. в Нью-Йорке была создана Ассоциация мусульманского единства (Moslem Unity Association, Inc.), которая объединила мусульман из числа татар, башкир, казахов, узбеков, черкесов, карачаевцев и др., переселившихся в США. Она способствовала сохранению языкового взаимопонимания и религиозной веры, традиций и обычаев на новой родине. В связи с интенсивным притоком новых иммигрантов-мусульман в ноябре 1964 г. была учреждена Американская Исламская ассоциация (The American Islamic Association). В марте 1974 г. в условиях роста числа других мусульманских групп, далеких в языковом и культурном плане от этнической традиции волжских татар, она скорректировала свой статус и стала называться Американская ассоциация татар (АТА). Примечательно, что 7 апреля 2007 г. в Нью-Йорке состоялось большое празднование юбилейной даты – 80-летия АТА.

Волжские татары не имеют своего храма, поэтому наиболее религиозные посещают городские мечети, поддерживаемые арабами, пакистанцами, турками, польскими татарами. «Старая эмиграция» татар конца 1950-х – 1960-х гг. отмечает значимые религиозные праздники (так же, как и светские) совместно в здании АТА в Квинсе. К ним нередко присоединяются представители старшего поколения «новой постсоветской волны» эмиграции 1990-х гг. Однако степень и характер религиозности являются фактором, несколько разделяющим татарское сообщество. Для «старых татар» мусульманская идентичность неотделима от их этнического самосознания. Для них «быть татарином (-кой)» значит «быть мусульманином (-кой)», хотя характер веры и претерпел трансформацию под влиянием их миграционной ис-

тории, городского образа жизни и секуляризации. «Новые татары» США, будучи выходцами из республик бывшего СССР, оказались менее религиозными, менее последовательными и информированными в вопросах веры. Среди них больше атеистов, колеблющихся, а также носителей критического и рефлексивного отношения к религиозной вере и организациям. Вместе с тем было бы ошибкой рассматривать «новых американских татар» как гомогенную группу «формальных» мусульман и неверующих. «Религиозный ренессанс» 1990-х гг. затронул их в не меньшей степени, чем население бывшего СССР, современных России и Татарстана. Следовательно, свобода религиозного самовыражения стала привлекательной возможностью духовного поиска уже на новой родине, хотя она и была отчасти подорвана событиями 11 сентября 2001 г., ростом исламофобии и озабоченностью террористической угрозой в стране.

Заключение. Социальные практики американских татар, выявленные и описанные в данном конкретном социологическом исследовании, свидетельствуют как о включенности «старой» и «новой» волн татарской иммиграции в американское общество, так и о наличии институциональных механизмов свободного воспроизводства отличительной этнической идентичности. Экономические, политические, образовательные, религиозные, информационные практики татар крупного мегаполиса красноречиво подтверждают мощное действие объединяющих сил ассимиляции даже на первое и второе поколение иммиграции. С большой долей вероятности можно предполагать, что их потомки будут «укоренены» в американском обществе еще сильнее. Тем не менее, если говорить о более крупных этнических и расовых сообществах, подобный прогноз предполагает ряд оговорок и уточнений.

В глобализирующемся обществе начала XXI века вопрос о том, «какими гражданами станут новые иммигранты и захотят ли они стать американцами», звучит по-новому и получает разноречивые комментарии. Действительно, в современном мире транснациональной экономики, глобальных коммуникаций и всеохватывающего Интернета иммигранты могут предпочесть идеологию транснационализма и присущий ему стиль жизни «поверх национальных границ», сохраняющий устойчивые связи со старой родиной. Тем не менее, как показали авторы проекта «Этнографии нового

второго поколения в г. Нью-Йорке» [10], тенденции много сложнее. Во-первых, наряду с сохранением старых, возникают новые расовые и этнические различия и различения. Во-вторых, в условиях мегаполиса формируется особая нью-йоркская идентичность, не совпадающая с американской, но и неотделимая от нее. В-третьих, ассимиляция означает не только культурные «потери», но и новые обретения – культурную продуктивность, создающую новые социальные связи и солидарности (например, новые формы музыки, городского языка, самовыражения и идентичности). Они оказываются не столько эффектом контактов иммигрантских культур с господствующей белой, сколько результатом интеракции иммигрантских групп первого и второго поколения с традиционными расовыми меньшинствами США [10: 16]. В результате формируется «новый мультикультурализм», представленный не изолированными этно-расовыми анклавами, а многокультурностью со смешанными, гибридными и эклектичными формами культурного взаимодействия. Формирующаяся нью-йоркская идентичность характеризуется интернализацией культурного плюрализма, который не есть лишь воспроизводство традиций предков и прежней родины, но новаторский процесс производства современного (и постмодерного) настоящего в расово и этнически гетерогенной среде.

Американская политика иммиграции второй половины XX века и мультикультуралистские ориентации сегодняшнего дня позволили татарам сохранить свое этническое «лицо» в частной жизни. Тем не менее в публичной жизни более важным является не этнический, а социально-экономический и профессиональный статус индивида. Весьма сильны ассимиляционные «давления» на эту малую в количественном отношении группу. Как отмечали респонденты, явно не хватает «критической массы» численности татар, чтобы сопротивляться ассимиляции и уверенно говорить о будущем. «Татары исчезают», «татары теряются» – таков лейтмотив ряда интервью. Несмотря на желание сохранить этническую традицию посредством заключения браков между своими, из-за малочисленности татар и дисперсности их расселения это все чаще становится слишком сложным и даже невозможным. Молодежь нередко заключает браки с итальянцами, индийцами, немцами и представителями других народов. Для них, вероятно, со временем этнич-

ность может стать символической. Однако не менее реален и другой сценарий: актуализация с возрастом этничности, влекущая за собой переоценку стиля жизни. Практики американского индивидуализма, приоритет личной свободы над авторитетом родителей, релятивизация традиционных ценностей подрывают «этнические корни». Тем не менее они нередко оказываются более крепкими, чем принято считать, и становятся той опорой, которая дает чувство дома, родного и теплого, в глобализирующемся, стандартизирующемся и обезличивающемся мире.

Литература

1. Eriksen T.H. Ethnicity and Nationalism. Anthropological Perspectives. England: London; USA: Connecticut: Pluto Press, 1993. 173 p.
2. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: КАНОН – Пресс-Ц, Кучково поле, 2001. 287 с.
3. Harvard Encyclopedia of American Ethnic Groups. Cambridge, MA: Belknap Press of Harvard Univ. Press, 1980.
4. Gale Encyclopedia of Multicultural America. Ed. by J. Lehman. 3 vols., 2nd edition. Gale Group, 2000; American Immigrant Cultures. Builders of a Nation. Ed. by D. Levinson, M. Ember. 2 vols., MacMillan Reference, 1997.
5. Кәримуллин А. Америка татарлары тарихыннан // А. Кәримуллин. Язымыш, язымыш... Казань, 1996. С. 197-208; телепрограмма «Татары в Америке», ГТРК «Татарстан», 28.08.1997.
6. Гайнетдинов Р. Татары в дальнем зарубежье (страны, численность, организации) // Татарские края. 2000. декабрь. №50 (411).
7. Yang Ph.Q. Ethnic Studies. Issues and Approaches. New York: State Univ. of New York Press, 2000. 314 p.
8. Glazer N. We Are All Multiculturalists Now. Cambridge, Mass.; London, England: Harvard Univ. Press, 1997. 179 p.
9. Мационис Дж. Социология. 9-е изд. СПб.: Питер, 2004. 752 с.
10. Kasinitz Ph., Mollenkopf J.H., Waters M. (Eds.) Becoming New Yorkers. Ethnographies of the New Second Generation. New York: Russell Sage Foundation, 2006. 419 p.

АМЕРИКА МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМЫ ШАРТЛАРЫНДА АКШ ТАТАРЛАРЫ¹

Лилия Равил кызы Низамова,

Казан федераль университеты,
Россия, 420008, Казан ш., Кремль ур., 18 нче йорт,
Lilia.Nizamova@kpfu.ru.

АКШта ике меңнән артык татар яши. Татар диаспорасы, халкыбызның күп гасырлык гореф-гадәтләренә таянып, Нью-Йорк һәм Сан-Францискодагы ике төрки-татар ассоциациясе эшчәнлегенә нәтижәсендә, үзенчәлекле мәдәни потенциалны саклап кала алды. Мәкаләдә татар диаспорасының Нью-Йорк шәһәре – раса буенча һәм мәдәни яктан гетероген, ягъни гаять төрле, толерант һәм динамик социум – шартларындагы яшәеше ачып бирелә. Идел буе татарларының икътисади, гражданлык, белем бирү, дини һәм мәгълүмати гамәлләре мәдәни үзенчәлекне торгызу, Нью-Йорк шәһәре мультикультурализмында катнашу һәм америкалы милләтне сәяси берлегенә кушылу күзлегеннән чыгып бәяләнә. Бүгенге этносларга хас сыйфатлар этномәдәни гамәлләрнең аерылып торган системасын индустриализм, секуляризация шартларында, хәзерге мегаполисларның урбанизацияләнгән һәм күп мәдәниятле мохитендә кабат торгызу барган этник аермалыклар киндәге буларак карала.

Төп төшенчәләр: этноска хас сыйфат, мультикультурализм, мегаполис, Идел буе татарлары, Татарстан, диаспора, Нью-Йорк шәһәре, иммиграция, ассимиляция.

¹ Мәкаләдә берничә басманың материалы берләштерелә: Низамова Л.Р. Нью-Йорк шәһәрендәге татар жәмгыятенен милли тәңгәллекләре (чит илдә кыр тикшеренүләре тәжрибәсеннән) // Социология. М.: Мәскәу ун-ты нәш-ты, 2006. №1. Б. 165-177; Низамова Л.Р. Күпкультуралы мегаполиста миллилек: АКШта этномәдәни татар тәжрибәләре // Казан университетының гыйльми язмалары. Гуманитар фәннәр сер. Казан: Казан ун-ты нәш-ты, 151 Т., 5 китап, 5 кискәк. Б. 48-60.